

ЯН БАДЕВСКИЙ

ТЕМНОЕ ВРЕМЯ СУТОК

Многослойность

Ян Бадевский

Темное время суток

«Автор»

2024

Бадевский Я.

Темное время суток / Я. Бадевский — «Автор»,
2024 — (Многослойность)

Ночь порождает чудовищ. Если ты живешь в реальности, населенной оборотнями, не стоит выходить из дома после заката. Запри двери, заколоти окна. Иначе станешь кормом. Есть и другое решение. Обратись в профсоюз, вызови охотников. За деньги эти ребята разберутся с любой нежитью. Среди них встречаются бывшие солдаты, некроманты и ангелы. Та еще компания. Да и берут за свои услуги недешево.

© Бадевский Я., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Послезакатье. Ночь	6
День	10
Ночь	18
День	32
Ночь	37
День	40
Часть вторая. Слои. День	41
Ночь	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ян Бадевский

Темное время суток

Пролог

Уже не человек. Ломает, корежит плоть, рвет сухожилия, раздвигает кости. Разум меняется, раса меняется. И где-то рядом – сотни, тысячи братьев и сестер, девушка, *приобщившая* тебя... Шерсть. Острые клыки. Ты думал, это кино, глупые сказки, но вот оно, нашествие, и ты часть его. Нет ярости, нет безумия. Этот мир *уже* не твой, этот мир *еще* не твой. Ты должен взять его. И ты не один. Дияблеро, вервольфы, волколаки, переверты – всяко вас называют. Суть одна. Сильнейший выживает и развивается. А для развития необходимо пространство.

Наступает время жрать.

Темное время.

Часть первая. Послезакатье. Ночь

С меча Леа стекала кровь. Капала на брусчатку. Брезгливо поморщившись, Леа шагнул к туше зверя и начисто вытер клинок о кожу. В нескольких шагах справа Рамон перезаряжал «аграм». Помповое ружье лежало у ног вожака – длинноволосого парня с пирсингованной левой бровью и недельной щетиной на лице. Рамон был одет в кожаную куртку с металлическими накладками, камуфляжные штаны и кроссовки.

Лезвие отразило свет луны.

Яростным голубым огнем полыхнули иероглифы. Охранные иероглифы, выбитые монахами Храма Утренней Радуги.

Нести добытую провизию выпало Мумику и Даздре. Не так уж и много – два рюкзака, набитых рисом и консервами. Долговечными армейскими консервами – такие не портятся годами.

А вокруг громоздился Родевинуум. Узкие кривые улочки, трехэтажные кирпичные дома, темные арки, глухие дворы... Слепые глазницы окон. Разбитые уличные фонари. Ни единого огня. Черный город. Зверь, готовящийся к прыжку.

Булыжная мостовая залита кровью: лужи черноты на сером фоне. Врастают в безжизненное небо туши перевертов. Четыре холма шерсти, костей и мускулов. Пятый холмик – откатившаяся голова, срубленная Леа. Матерые хищники, два вермедведя, волк и песчаный кот – из тех, что Рамону доводилось встречать в пустынях Ржавчины. Значит, нездешний. Первая волна. Основатель колонии.

Рамон поднял голову.

Косматую медвежью голову, выскалившуюся рядами острых зубов. Каждый – с человеческий палец. В остекленевших омотах зрачков тонули звезды.

– Крупная особь, – сказал Рамон.

Звезды промолчали.

Мумик поднял две канистры с 95-м бензином. Что-то прогудел.

Пора идти.

Рамон нагнулся за помпой. Достал из кармана куртки коробку с патронами. Вогнал первый.

– Я вас догоню.

Мумик с Даздрой направились к узкому каньону главной улицы. Чуть в стороне, держа меч обратным хватом, заскользил Леа. Именно заскользил, по-другому не назовешь. Мягко и плавно.

Рамон отбросил коробку и побежал следом. Рысцой, слегка пригнувшись. «Аграм» он убрал в кобуру.

Отряд вдвинулся в щель улицы.

Рамон внимательно следил за крышами и балконами. В городах переверты атаковали оттуда. В прыжке или спустившись по стене. Некоторые висели на карнизах, вывернув шеи, и ждали...

Но сейчас было тихо.

И это настораживало.

– Перекроют выход, – раздался хриплый шепот Даздры. Девушка тяжело дышала. – Стянутся к башне и там нас перебьют.

– Умолкни, Дэз.

Дома расступились, и группа застыла на перекрестке. Справа и слева – запыленные витрины бутиков и продовольственных лавок, угрюмые силуэты погруженных в летаргию светофоров. Распахнутые в мунковском крике пасти подземного перехода.

– Вперед! – рывкнул Рамон.

Когда перекресток остался позади, все вздохнули свободнее. Против ожиданий из перехода никто не полез.

На развилке, у полуразрушенного «треугольного» дома, свернули налево. Булыжная мостовая влилась в ленту щербатого, растрескавшегося асфальта. Старинные кирпичные дома уступили место панельным пятиэтажкам, ошестинившимся скелетами антенн.

Света не было и здесь.

Леа сменил уставшую Даздру.

– Дотащишь? – спросил Рамон у Мумика.

Тот кивнул.

Понятливый.

В сложившейся ситуации руки вожака должны быть свободными. Руки лучшего в слое охотника на перевертов.

Зашагали, не сбавляя темпа.

Сторонний наблюдатель удивился бы. Где тачка? Ведь один из этих ребят несет бензин. Следовательно, где-то за городом стоит машина. Верно, стоит. И не одна. Плюс парочка байков. Да только не везде в Родевинууме развернешься на джипе или «ладе». А на мотоцикле много не увезешь. И сопровождение за тобой не поспеет. Зато шума от тебя – на всю округу. Поэтому транспорт спрятали на заброшенном кладбище за городской чертой. Там же добытчиков ждали остальные. Те, кто прорывался к Форту.

Улицу пересекла железная дорога. Минут двадцать группа шла по рельсам. Спустившись с насыпи, взяли курс на чернеющий отросток башни.

Родевинуум закончился внезапно.

Вот был город, и вот уже пустырь. Слева – уродливые приземистые бараки и склады, справа – похожая на шахматную ладью водонапорная башня. За ней – пологий спуск на кладбище.

В траве трещали цикады.

Рамон выругался, споткнувшись о кирпич. Похоже, здесь что-то строили. Еще до вторжения. В сердце пустыря, поросшем мхом и сорняками котловане, мирно разваливался цокольный этаж сгинувшей эпохи.

Рамон двинулся первым, в обход. Стараясь держаться от развалин как можно дальше. Выглянувшая из-за туч луна осветила бритый череп Даздры, хищно изогнутые клинки *когтей*.

У башни их ждали.

Полина и какой-то хмырь в доспехах. В правой руке хмырь держал странного вида топор. Повеяло холодом.

– Кто это? – Рамон кивнул на спутника Полины.

– Азарод.

Хмырь выступил вперед.

– Он только из портала, – сказала Полина. – Выпал прямо на могилу. Призван в Форт, как и мы.

– Плохо, – буркнул Рамон.

– Что – плохо?

– Все. Переверты чувствительны к межсрезовым переходам.

– Они и так будут здесь, – шепнула Даздра.

Рамон направил ствол в грудь пришельца.

– Откуда мне знать, что ты человек?

Азарод положил топор на траву, снял с правой руки кольчужную перчатку. Молча развернул ладонью вверх. С мизинца капала кровь.

Рамон опустил помпу.

– Ты понимаешь нас?

Азарод кивнул.

– Я слежу за тобой.

Только сейчас Рамон заметил, что новичок абсолютно сед. Старик с молодым лицом...

Окрестности ожили.

Зашевелилась тьма в цокольном этаже пустыря, стремительные тени отделились от барачков и понеслись к группе, расплываясь от скорости. Рамон поднял глаза, уловив движение: по округлой стене башни бежал волколак. Головой вниз, как по бульвару. Почти бесшумно.

Рамон выстрелил.

Двенадцатый калибр, начиненный серебром, разнес убудку голову. Тело замерло на полушаге. Утром отвалится.

Рамон обернулся.

Волна тьмы накатывала с пустыря.

– Отступаем, – приказал Рамон.

Слишком быстро.

Средний переверт, будь то волк или медведь, гораздо быстрее среднего человека. Рефлексами он превосходит даже животное. Но это не значит, что его нельзя убить.

Выхватив «аграм», Рамон открыл огонь с двух рук. Шквал серебра обрушился на атакующих. Волна скомкалась, замедлилась. Краем глаза Рамон заметил, как Леа и Мумик скрываются за башней. А Даздра с Азародом уже орудовали на переднем фланге. Поднималась и опускалась тяжелая двуручная секира, с бешеной скоростью мелькали когти.

А новичок неплох.

Тьма отхлынула, втянулась в самое себя.

Троица прикрытия ринулась к погосту.

Еврейское кладбище выросло из земли сразу за башней. Каменные плиты, массивные надгробия. Непривычное отсутствие крестов. Чужие, древние символы. И густые кроны деревьев. Тополя, дубы, каштаны – довольно плотный лес, раскинувшийся вперемешку с могилами на берегу реки. На крутом правом берегу. Днем отсюда была видна излучина и ветшающий железнодорожный мост вдалеке.

Отряду предстояло пройти кладбище насквозь. По диагонали, чтобы выйти к остаткам каменной ограды и соединиться с основной группировкой.

Из-за корявого ствола граба вынырнул Кадилов. В руках старик держал обреза, на лбу красовался нарост тепловизора. Спустя мгновение Рамон разглядел державшихся чуть поодаль Дженнингса и Потанина. Оба с револьверами, в спортивных штанах и ветровках. Потанин, как всегда, в кепке с загнутым вверх козырьком.

Рамон жестами указал позиции. Оглянулся. Азарод с Даздрой слегка поодстали, Полины не видно.

– Она с Леа, – бросил Кадилов.

Рамон кивнул.

Рванули в лес.

Дальнейшее врезалось в память обрывками.

Шорох.

Обернуться, выставить руку с «аграмом», нажать спуск. Урод, оседающий на мраморную плиту с утробным ревом. Оживающий погост. Здоровенная рысь, упавшая на плечи Дженнингса. Фонтан крови, бьющий из сонной артерии. Потанин, лежащий на спине, отстреливается от молодых, поджарых волков. Сухие щелчки. Крик...

Рамон посылал одну пулю за другой. Какая-то тварь вынырнула из темноты, он отшвырнул ее прикладом – под неумолимую секиру Азарода. Сверкнул заговоренный стилет Ефимыча, чьи-то зубы клацнули над ухом... Бежать. Прочь, иначе не уцелеть никому.

Рамон прижался спиной к стволу дерева. Разворотил грудную клетку неопытному вермедведю, тупо попершему напролом.

В «аграме» закончились патроны.

Именно в тот момент все узнали, кто такой Азарод. И валившаяся с ног от усталости Даздра, и тактический гений Кадилов, и отчаявшийся предводитель отряда Рамон. Все, кому не суждено было дойти до Форта. Кто, вероятно, остался бы на еврейском кладбище, глядя мертвыми зрачками в слепое небо.

Кажется, у Рамона пронеслась мысль, что зря не прихватил вторую обойму к пистолету. И что зря оставил тачку на той стороне погоста.

Затем расклад изменился.

Метель августа. Арктический холод явился из глубин пространства и вогнал дерущихся в ступор. Рамон запомнил скрежет сдвигаемых плит. Запомнил полуразложившиеся трупы и кособоких скелетообразных созданий в истлевших лохмотьях, бывших некогда одеждой. Запомнил гальванизирующие тела убитых тварей, атакующих своих недавних собратьев. *Кладбище отторгало незваных гостей*. Тогда именно это пришло Рамону на ум. Он никогда не слышал о некромантах, об их странной власти над мертвечиной. Представление такого рода ему довелось лицезреть впервые. Мертвецы двигались. *Работали*. И ущерб, наносимый ими, был велик.

Переверты оказались застигнутыми врасплох. Их собственные собратья восставали против них, сбрасывая оковы смерти. Несколько секунд творилась полная неразбериха, затем оборотни перегруппировались. Вперед выдвинулось несколько вермедведей. Их могучие удары крушили хрупкие кости скелетов, ошметки гнилой плоти разлетались по бокам. Жуткие сцены происходили в гробовой тишине, прерываемой лишь всхлипами, чавканьем, хрустом и шелестом листвы. Кое-кто из воскрешенных был вооружен куском арматуры, прочие – камнями и зубами. Они падали и вновь поднимались. Их нельзя было убить. И крайне сложно – остановить. Волколаки с развороченными черепами, окровавленные рыси, зубры, кабаны... Все смешалось. Передний край обороны перевертов смяли. Среди могил шевелился невообразимый ком самоистребления. Круговорот мяса в природе.

Первым опомнился Кадилов. Толкнул в плечо Рамона: отходим.

Между тем, силы Азарода таяли. Некромант тяжело дышал, лоб покрылся испариной. Рамон подхватил его под руку и потащил через лес. Даздра растворилась среди деревьев, особого приглашения ей не потребовалось.

Бежали, не разбирая дороги.

За спиной постепенно стихали звуки эпического побоища. Наконец, впереди забрезжили огоньки включенных фар.

– Идти сможешь? – выдохнул Рамон.

Азарода шатало, но он не отставал.

– Смогу.

Надо же, заговорил...

Даздра уже оседлала свою «хонду». Полина газанула с места, ее «вепрь», смонтированный неведомо из чего очумельцами Ржавчины, вгрызся в летнюю мглу. Азарод и Ефимыч влезли на заднее сиденье «чероки», Рамон сел за руль. «Ладу» повел Хрон – он водил в любом состоянии.

Перед глазами Рамона стояли Дженнингс и Потанин. У одного был переломан позвоночник, у второго на горле зияла страшная рана. Но они двигались в толпе ходячего гнилья – к цели, заданной гребаным реаниматором. Азарод спас отряд, но этой картины Рамон не мог ему простить. Не мог забыть приятелей, обращенных в расходный материал.

По проселочной дороге выехали на сороковую автостраду.

Свет фар выхватил надпись «RODEVINIUM», перечеркнутую красной линией.

День

Рамон плюнул в костер. Слюна зашипела на тлеющих головешках. Это даже не костер, подумал Рамон. Это полутруп. Пепелище.

– Зря.

Рамон не обернулся. Он почувствовал Азарода задолго до его приближения. Гнетущее давление, нечто тяжелое, мертвящее опережало своего хозяина.

– Доброе утро.

Никита по прозвищу Рамон занимался своим обычным делом – чистил пистолет. Детали были аккуратно разложены у его ног на промасленной газете.

– Огонь. Опаснейшая из четырех стихий.

Рамон хмыкнул.

– Брось свои заморочки.

В спину повеяло холодом.

– Как знаешь.

Рамон не ответил. Он любовно осматривал свое хозяйство. Затвор, казенник, магазин на тридцать два патрона девятого калибра... Не самое убойное, но самое быстрое оружие из его арсенала. Модификация «аграма». Или прототип. Никита не разбирался в таких тонкостях. Ему нравились три вещи: удобство, скорость, универсальность. Рукоять идеально ложится в ладонь. Не привлекает внимания под одеждой, что особенно важно в городах. Скорость... А как же, ведь это пистолет-пулемет. Хочешь – очередь, хочешь – одиночный режим. Еще – пули. Ты их переделываешь, и они подходят.

Собрать – дело нескольких секунд. Щелчок.

Азарод неспешно обогнул пепелище и присел на гладкий, вросший в землю валун. Перед Рамоном был рослый, крепкого сложения мужик. Длинноволосый, но гладко выбритый. Совершенно седой, хоть и не старик. Вытянутое, заостренное лицо. Он носил высокие, до колен, сапоги и кожаный доспех, обильно проклепанный и наверняка заговоренный. Бледные пальцы покоились на рукояти того, что сам некромант называл *рунным топором*. Тяжелая двуручная секира, весьма необычная по форме. Полумесяц лезвия плавно переходит в шип, отчасти исполняющий роль гарды и берегущий руки хозяина; три острых шипа вместо второго лезвия; пирамидальный набалдашник, в глубине которого проскакивали порой искры дремлющих сил; сталь обильно усеяна черными, словно из запекшейся крови, письменами. Рунами.

Некромант присоединился к группе у заброшенного еврейского кладбища близ Родеви-ниума. Там был особенно жестокий бой, Рамон потерял двоих. Так что умения новичка оказались решающими. Он был могучим колдуном, этот аристократичный выродец и любитель мертвечины. Рамон относился к Азароду настороженно, но понимал, что без него до Форта не пройти. Переверты сожрут.

– Ты спишь в доспехах? – Никита на секунду отвлекся от трудов.

– Стараюсь.

Даже глазом не моргнул.

– Думаешь, поможет?

– Помогало.

Рамон усмехнулся. Взяв очередной патрон с серебряной головкой, вставил его в магазин. Предпоследний. На газете ждали своего часа раскуроченные братья-близнецы патрона, напильник и необработанные кусочки серебра. Рамон вздохнул и потянулся к напильнику.

– А заговор не пробовал?

Рамон вновь отвлекся.

– Шутишь?

Нет. Азарод говорил вполне серьезно. Он вообще шутил редко и как-то черновато. Издержки профессии, что ли.

– Заговоренные болты, стрелы, дротики, – продолжал некромант. – Пули. Гораздо эффективнее *аргента*.

Серебро, если верить таблице Менделеева – аргентум. Азарод окрестил сей полезный металл по-своему. Аргент. Так *это* называется в его мире. Странном мире, не менее странном, чем тот, что вокруг.

– Никогда не пользовался. Знаешь, Азарод, я привык доверять... старым методам. Проверенным.

– Проверь этот.

Рамон покосился на газету. В обойме не хватало одного патрона. Работать не хотелось.

– Хорошо. Давай, бормочи свои заклинания. – Он потянулся к рюкзаку за запасной обоймой. С новенькими, заводскими патронами. Бесплезными здесь. Выщелкнул один, протянул колдуну. Или ведуну. Черт их разберет, компания та еще подобралась.

Некромант положил цилиндр себе на ладонь. Для этого ему пришлось расстаться с *рунным топором*. Да, никто здесь не выпускает оружия из рук. Оружие – вторая натура. Даже днем.

Губы Азарода зашевелились.

Рамон поднялся и зашагал к реке. Проверить посты, умыться.

Лагерь расположился на островке, соединенном с правым берегом Нимана широким каменным мостом. По этому мосту они и въехали – на размазанном языками пламени джипе «чероки», убитой, ржавеющей «ладе» и разнокалиберных байках. Машины поставили так, чтобы загородить дорогу, мотоциклы – чуть поодаль. Дежурные заступили на вахту. До полуночи – Леа и Рамон, после полуночи до трех – Азарод и Полина, с трех до рассвета – Хрон и Мумик. Очередь Кадилова и Даздры еще не наступила...

Восемь человек. Все, что осталось от отряда из сорока семи *беженцев*, возмнивших себя охотниками.

Хрон сидел на капоте джипа и пил вермут. Вообще, он пил все, что горит, за что и получил свое прозвище. Этот невзрачный с виду мужичок в замызганном спортивном костюме с надписью «odedas» работал на спиртосодержащих жидкостях и никак не производил впечатления бойца. До поры до времени. Как и Никита, он предпочитал пользоваться огнестрельным оружием, а именно – охотничьей двустволкой, доставшейся в наследство от отца. Хрон давно не стригся, отрастил усы и бороду, от него *всегда* разило перегаром... Его напарник, Мумик, напротив, никогда не пил. Раньше Мумик был учителем физкультуры, кандидатом в мастера по волейболу, но однажды что-то случилось. Мумик поседел и перестал разговаривать. Зато стал видеть многое из того, что недоступно обычным людям. И без того худой, он высох окончательно, на него стало страшно смотреть. Присутствие *перевертов* Мумик фиксировал безукоризненно. Чувал их лучше всякой собаки. Потому, наверное, и жил по сей день. Сейчас Мумик дремал, сидя на рюкзаке и прислонившись к кузову «лады». У его ног валялись окованные серебром кухонные ножи.

Если Мумик спит – все в порядке.

– Утро доброе, – сказал Рамон.

Мумик сонно замычал.

Хрон кивнул, сделал движение бутылкой. На, мол, угощайся.

Рамон привычно отказался.

Ритуал...

Лето выдалось пасмурное, некрасивое. Дожди шли неделями. А вот накануне распогодилось, выглянуло солнце. Сегодня и луж не осталось. Земля сухая, день обещает быть жарким.

Заслышав шаги, Даздра приподнялась на локте, выдвинулась из спального мешка. Она всегда спала возле своей «хонды», как и Полина, в принципе. *За исключением последних дней, ведь Полина спит с тобой.* О Даздре сложно сказать что-то определенное. Она родилась и выросла в срезе с примитивными средневековыми технологиями. Что отчасти роднит ее с Азародом и Леа... Отчасти. Даздра вдоволь побродила по параллелям, в одной из них ей выковали *когти*, в другой девушка добыла байк. Свое настоящее имя она скрывала – чтобы не привлечь злых духов. Стрижка – налысо, висок украшает татуировка клана.

– Привет, Даздра.

Кивок.

Ее *когти* – особая статья. Никто не знал принципа их действия. Ни серебра, ни рун. Ни всяких там древних символов. Возможно, заговор, но Даздра об этом не распространялась.

– Ну что?

Вопрос Рамона был адресован «дозорным».

Мумик не ответил. Да и не мог ответить при всем желании. Хрон допил вермут и, размахнувшись, выбросил пустую бутылку в кусты.

– Повыли немного. Думаю, волки.

Рамон двинулся к реке.

– Спокойно тут, Никита.

– И что? Предлагаешь остаться?

Молчание.

Рамон присел на корточки. Уставился в свое отражение. Щетина прет. На голове ерунда. Усталость. А так ничего.

– Замок построишь, а, Миша?

– Идея, – Хрон вскинулся. – Я строитель. На Москву раньше мотался. Разнорабочим, каменщиком... Отделочником.

– Лучше бы библиотеки посещал, – Рамон зачерпнул воды. – Церковные.

– Это к Кадилову.

– Не поминай всуе.

Они засмеялись.

Мумик открыл глаза.

– Доброе утро, – поздоровался Рамон.

– Угу.

– Как оно?

– Дрых, засранец, – ответил вместо напарника Хрон.

Обязанность его такая. В *лунатичной* ипостаси Мумик полезнее всего. Главное – не разбудить...

Рамон зашагал в обратном направлении. К костру.

Лагерь медленно просыпался. На южной оконечности острова, там, где развалины графской усадьбы переходили в уступы террасы, Леа упражнялся с мечом.словно в замедленном сне, прорабатывая одни и те же комплексы приемов, то ускоряясь, то замирая в стойках. Самый молодой в группе, от силы двадцать. Кореец или китаец – в его срезе Поднебесная разрослась до невиданных пределов...

Полина сидела на берегу, вытирая мокрые волосы полотенцем. Рамон улыбнулся ей и сел на прежнее место.

Азарод не проронил ни слова.

Только на бумаге лежала заговоренная пуля. Свинцовая пуля. Рамон взял ее двумя пальцами, задумчиво покрутил. Ничего особенного. Сложно свыкнуться с мыслью, что *слова* оберегают.

– Бери смело, – сказал некромант.

Решившись, Рамон вставил патрон в обойму. На страх и риск. Даже сам себе удивился... Подвалил Кадилов.

– Ну что, нечестивцы? Не уберегли огонь?

– Не уберегли, – в тон ему ответил Рамон.

– Креста на вас нет.

Анатолий Ефимович Кадилов – случай занятный. Достойный упоминания в летописях и исторических хрониках. Духовная семинария, психиатрическая лечебница, должность кладбищенского сторожа, затем – смотрителя в городском морге Урюпинска... Извилистый жизненный путь. Про Ефимыча ходила тьма разнообразных слухов. Первый: Ефимыч на самом деле не человек, а ангел шестого уровня, воплощенный на земле для борьбы с нежитью. Второй: на одном из кладбищ, где работал «ангел», якобы открылся межпространственный портал, и переверты попытались прорваться в мир, охраняемый Кадиловым; несколько недель герой доблестно отражал атаки «нечистых», а затем вторжение захлебнулось. Едва ли не единственный случай, когда оборотни отказались от своих целей. Говорят, там они понесли потери, сопоставимые разве что с небольшим локальным конфликтом где-нибудь в Чечне или Заире... Третий: Ефимыч поддерживает постоянный контакт с архангелом Гавриилом и *регулярно* отчитывается перед ним о достижениях, получая новые задания и «переводы». Четвертый, и далеко не последний: означенный «ангел» специализируется не только на перевертах, но также на вампирах, ведьмах, зомби и некромантах, коих истребил за свою жизнь *немеряно*... Рамон знал лишь то, что Ефимыч неплохой мужик. Старший в группе. Наиболее опытный, это факт. Умеющий грамотно строить оборону, конструировать хитрые ловушки и применять нестандартные тактические решения. Что до вампиров и ведьм... Рамон их не встречал. Ни разу. Во всех предыдущих слоях он воевал исключительно с перевертами. Зомби... Тоже, видимо, байка. Некроманты... Далеко ходить не нужно. Вот он, Азарод, рукой подать. Никто не трогает.

Пользовался Ефимыч заговоренным стилетом, обрезаем дробовика и прибором ночного видения. Ему хватало. Таскал с собой повсюду икону Божьей Матери, много курил и выпивал. То есть на роль ангела никак не годился. Рамона звал по имени и говорил, что встречал раньше одного Никиту, бомжа и грешника, «сложной судьбы товарища». Прошлого Кадилов вспоминал редко и с неохотой.

– А ты молился, Ефимыч, перед завтраком? – к мертвеющему костру подсел Хрон.

– Само собой.

– Игова одобрил трапезу?

– Не богохульствуй, – Ефимыч замахнулся на Хрона иконой. Дозорный притворно отшатнулся, закрывшись руками.

– Прости дурака! Не вели казнить...

На шутки спутников Кадилов не обижался. Привык...

Мумик принес охапку дров и сухостоя, добровольно возложив на себя обязанности кострового. Вскоре реанимированный огонь благодарно затрещал, вгрызаясь в ветки. Подтянулись Леа, Полина и Даздра. Девушки расчесывали мокрые волосы гребнями, найденными в одном из брошенных селений. Азиат был непроницаем. Как обычно.

– Садитесь, детки, – Ефимыч подвинулся ближе к Рамону. – А ты, Никита, складывай свои причиндалы. Есть пора.

– Раскомандовался, – буркнул Рамон. Но «причиндалы» свернул и отнес к джипу. Инструмент, обоймы, патроны и серебро сунул в багажник. Ствол кинул на переднее сиденье. Вернулся в круг.

Полина уже разогревала котелок с кашей, Хрон и Мумик готовили импровизированный стол: раскладывали на пожелтевшей газете хлеб, зелень, вскрывали консервы. Хрон извлек из кармана початую бутылку «Клюквенного бальзама», заткнутую пробкой от шампанского.

Запасливый. Ага, вот и кружка с сиськами (обычная пластиковая кружка с намалеванным женским лицом и торчащими грудями, изначально предназначенная для кофе). А вот и ложки.

Хрон откупорил бальзам и налил. Протянул Ефимычу. Тот, перекрестившись, выпил.

– Аминь, – не сдержался Рамон.

Ефимыч промолчал.

Леа снял с костра котелок, Даздра принялась накладывать кашу.

– Ну, – заметил Хрон. – Между первой и второй...

Кроме них с Ефимычем никто не пил. Кто за рулем, кто не привык. Рамона напрягала обстановка. Не те места.

Гиблые места. Злые. Каменные двух-трехэтажные домики, мощеные булыжником улочки городов, фермы, обилие погостов... Изнанкой – заброшенные фабрики, мертвые электростанции, обвисшие провода, истресканные автострады... Словно фреска, где один культурный слой проступает из-под другого. Как день проступает сквозь ночь.

Рамон доел кашу и отставил миску.

– Надо решать, – сказал он. – Что делать дальше.

Заканчивался бензин. Доедали последние консервы. Никто из отряда не знал этот мир достаточно хорошо, чтобы сойти за проводника. От карт было мало проку – они составлялись в старые времена и описывали другую реальность. До вторжения. Конечно, названия некоторых районов и географических объектов сохранились, но вот города... Что города, что дороги пришли в негодность, и проехать теперь можно далеко не везде. Редкие группы *людей* идут лесами, звериными тропами и просеками... Там их и едят. Потому что в городах перевертам охотиться не на кого. Все свои...

– Мы в пятнадцати километрах от Ильинска, – сказала Полина, разворачивая карту. – Вот основная трасса, шестьдесят четвертое шоссе. А здесь, за поворотом, заправочная станция.

– Была, – хмуро поправил Ефимыч.

– Я слышал об этой заправке, – сказал Хрон. – Там работает человек из Форта. Обслуживает беженцев.

– Чушь, – возразил Азарод. – Откуда топливо?

Хрон пожал плечами.

– Рядом железная дорога. Сами оборотни и доставляют.

– Переверты не пользуются транспортом, – возразил некромант.

– Кое-кто пользуется.

– И не знают, что этот парень из Форта?

Хрон махнул рукой и приложился к бутылке.

– Допустим, – Рамон вытер салфеткой пальцы, – что заправка существует. Что этот мифический заправщик действительно помогает прохожим.

– Проезжим, – буркнул Хрон.

– Допустим, – Рамон повысил голос, – что он *пока* еще человек. И успешно маскируется в гадюшнике среднего масштаба. На несколько тысяч тварей. Днем он живет среди них, общается, ходит в магазины...

– Он живет на станции, – снова перебил Хрон.

– Откуда тебе известно? – вступил в разговор Леа.

– С людьми надо проще быть. Не шутаться от них, как черт от ладана. Помните тех фермеров из Заполя? Мы их в четверг повстречали.

Рамон помнил. Дикая семейка. Отец на грани нервного срыва, поминутно хватается за дробовик. Растрепанная, с мутным взглядом мать. И двое детей, брат и сестра. Сестра старше, ей около пятнадцати, все норовит отдаться кому-нибудь. За банку консервов. Или пузырь вина. Рамон накормил их, подкинул немного патронов и отправил с миром. Чтобы спустя два дня

наткнуться в лесу на останки. Кровавая каша, лиц не узнать. Полчища мух. И погнутый, со следами зубов на прикладе, дробовик.

– Они тебе про заправщика сказали? – спросила Полина.

– Они, – подтвердил Хрон. – Я их когда из лагеря выпроваживал, мужик тот дерганый, Петрос, поворачивается и говорит: бензинчик, мол, у вас иссякнет скоро. Так и сказал – «иссякнет». И масло тоже. В Ильинске человек есть, Матей. К нему обращайтесь. Обосновался на отшибе, в городе нечастый гость. У него и остановиться можно. А какой, говорю, ему резон с такими, как мы, связываться? А такой, что он из Форта. Чуть ли не вербовщик. Мы, типа, и сами бы к нему забрели, да только боимся. Лучше обойдем этот, мать его, Ильинск. От греха подальше.

Обошли.

– Ладно, – Рамон подвинул к себе карту. – Чтобы туда попасть, придется ехать через город. Или делать крюк.

Мумик что-то промывчал.

– Зачем крюк? – удивился Хрон. – Сейчас утро. Никто нас не тронет. Оборотни сейчас в отходняке. Тихие и мирные.

– Ты что, об *иерархах* не слышал? – обратилась к нему Даздра.

Все замолчали.

В наступившей тишине было слышно, как Ниман шуршит в прибрежных камнях. Не журчит, а именно шуршит, что показалось Рамону ненормальным. С другой стороны – что *здесь* нормально? Вот, к примеру, названия. Выше по реке, километрах в пятидесяти, стоит Родевиниум. А ниже, на шестьдесят четвертом шоссе – Ильинск. Конечно, если допустить, что где-то рядом пролегает граница... Но никаких границ нет. Нет даже намека на существование различных государств и этносов. Все говорят на одном языке, отдаленно напоминающем польский. Рамон знал его, как и остальные члены группы. Потому что хорошо подготовился... прежде чем шагнуть в портал.

– Слышал, – Хрон был настроен скептически. – Но не видел ни одного.

– Повезло, – Даздра поежилась.

– А ты?

– Я?

– Ты. Встречалась с ними?

– Мельком, – Даздра любила уклоняться от прямых ответов. – Видела одного. Издалека.

– И что?

– Ушла на байке.

– А он?

– Он ел. Днем. Склонился у обочины и ел кого-то. На меня даже не взглянул, когда мимо проносились.

Больше ее никто не расспрашивал.

Даздра встала и покинула круг.

Иерархи – кочующая по срезам мрачная легенда. Эта легенда гласит, что самые древние и мудрые переверты развили в себе способность самоконтроля. Что им подвластны *любые* превращения в *любой* момент. И что их невероятно сложно убить. А главное – они *полностью* контролируют свой разум после оборота. Иерархов мало, ведь смертность перевертов высока. Их удел – постоянное сражение. Война с людьми. Везде и всегда.

– Не верю, – буркнул Хрон. И допил «бальзам».

– Всякое бывает, – рассудительно заметил Азарод.

– Вот скажи, Ефимыч, – не унимался Хрон. – Существуют они, эти иерархи? Или нет? Ты из нас самый опытный. Вот и скажи.

– Не скажу, – отрезал Ефимыч.

И все. Накатило что-то на старика...

– Так, – Рамон, как всегда, оказался силой, пресекающей споры. – Кончаем дебаты. Кто поедет?

Мумик издал неопределенный звук.

– Ты спи. И ты, Хрон, тоже. Состав такой: я, Леа, Ефимыч. Вопросы? Возражения?

Молчание.

– Ждете до завтрашнего утра. Максимум. Не возвращаемся – снимаетесь. Действовать будете по обстановке.

Сказав это, Рамон направился к джипу.

* * *

Проселочная дорога петляла меж деревьев, словно лента Мёбиуса. Рамон, сидевший за рулем, уже начал сомневаться, что «трасса» вообще куда-либо ведет.

– Ефимыч, ты уверен, что мы тут проезжали?

Кадилов чиркнул спичкой. В салоне завоняло «беломором».

– Ясен пень.

Рамон опустил стекло.

Наконец, они выбрались на шоссе. Неровное, в выбоинах, украшенное гнутым, насквозь проржавевшим дорожным знаком. Краска слезла, Рамон не смог разобрать, что знак означает. Леа спал.

Джип повернул на восток.

– Глупо как все, Ефимыч, – сказал Рамон. – Ведь мы не за этим сюда пришли. Не убегать.

– А зачем?

Дорога, прямая как стрела, упиралась в горизонт. Рамон ехал на шестидесяти километрах. Не хотел рисковать.

– Я наемник, Ефимыч. В моем мире есть посредник, он знает все о вратах и соседних слоях. Через него меня нанимают. Выполнив задачу, я возвращаюсь домой. Тратить деньги. Сейчас я работаю на Форт. Полина тоже. Мы из одного мира.

Кадилов докурил сигарету и выбросил бычок. В окно.

– И ты, Никита, никогда не был в оккупированных слоях?

Рамон покачал головой.

– Ясно. Только авангарды.

– Вроде того. А ты?

– По-всякому.

– Я хотел сказать – сейчас.

– А... – Кадилов на некоторое время задумался. – Иисус сказал мне: иди в сей край, истребляй нечисть.

– Я серьезно.

– И я. Видишь ли, Никита, у оккупированных реальностей нет будущего. Лишь надежда. Они собирают отовсюду таких, как мы. Отдают последнее. Форт – их последний шанс. Собрать армию и двинуться в крестовый поход. Вернуть свое. Пусть не все. И не сразу. Ты приехал за деньгами. А я просто должен был. Понимаешь?

– Кажется, да.

– Переверты – как саранча. Они рвутся во все параллели, вытесняют наш вид. *Замещают собой.* А здесь... они ломают себе зубы.

– Почему?

Ефимыч достал еще одну сигарету.

– Командование Форта хочет открыть врата. У себя. Для этого нужно несколько человек, сильных магов. Представителей разных каст. Один из них – я. И, возможно, Азарод.

Рамон сбросил скорость до пятидесяти. Трасса была отвратительной.

– И что? В Форт начнут стекаться добровольцы?

– Не то слово. Формирования. Если мы победим тут, опробуем схему на других слоях.

Рамон кивнул. Предстоящее побоище его не вдохновляло. Слишком смахивает на тупую мясорубку. Оборотни действуют умнее. Да и не под силу Форту собрать такую армию. Это индустриальный мир. До вторжения здесь жило несколько миллиардов людей. Пусть остался миллиард. Пятьсот миллионов. Все равно – слишком много.

– Не прокатит.

Ефимыч выпустил дымное колечко.

– Ты плохо знаешь врага, Никита. Переверты неорганизованны. Они атакуют стаяй, как звери. Они и есть звери. Тактическое мышление у них недоразвито, поступками правят инстинкты.

Рамон фыркнул.

– Однажды мне довелось держать оборону в заброшенном доме. Пятнадцать человек, все вооружены. Мы контролировали дверь, чердак, окна второго этажа. На первом заколотили все щели, настроили баррикад из мебели. Твари забрались на крышу с соседнего дома, спрыгнули на балкон и загрызли двоих наших. Затем попали внутрь... Уцелели немногие.

– Надо было поставить автоматчика на крыше.

Рамон не ответил.

Машина въехала на мост. За ограждением в ярких солнечных лучах серебрился левый приток Нимана. На карте он назывался Потаром. Дальше дорога шла под уклон, сворачивала и...

Рамон резко ударил по тормозам.

Взвизгнула резина.

Машина остановилась. Проснулся Леа, непонимающе уставился в боковое стекло.

– Дорожные работы, – констатировал Кадилов.

В трех метрах от «чероки» начинался котлован. Шоссе перерыли, куски взломанного асфальта торчали подобно кривым зубам доисторического монстра. Почти к самым колесам тянулись глубокие трещины. Груды вывороченного желтого песка вперемешку со щебенкой дополняли пейзаж. А для надежности неведомые ремонтники свалили парочку сосен, подчеркивавших саму мысль о том, чтобы проехать по настилу. Справа вздымался холм, слева зловещий катаклизм нагромодил залежи бурелома.

Рамон отъехал с десятков метров на задней передаче и заглушил мотор. В зеркальце заднего вида отражалось внимательное лицо Ефимыча и приготовленный им к употреблению обрез. Правая рука Рамона, пошарив по пустому переднему сиденью, наткнулась на «аграм». Молодой китаец застыл, вслушиваясь в тишину, нарушаемую лишь стрекотом сверчков у обочины.

– Копали недавно, – сказал Ефимыч.

– Вижу.

Помедлив, Рамон открыл дверцу и выбрался из джипа, держа пистолет на уровне живота. Ничто не вторгалось в утреннюю идиллию.

Рамон осторожно приблизился к краю котлована. Никаких труб, разумеется, на дне не было. Впрочем, как и стен древних поселений.

– Поехали, – предложил Ефимыч, когда Рамон сел за руль.

– Куда?

– В лес. Объезд искать.

Ночь

Полину он встретил год назад. На вечеринке, организованной общими знакомыми. Разумеется, тогда Рамон и не догадывался, что оба они принадлежат *профсоюзу*. Собрались на даче в Зеленом Бору. Двухэтажный деревянный коттедж, природа, шашлыки... Два десятка пьяных оборотов, орущих что-то под гитару, непонятные, ненужные разговоры... Рамону было плохо. Он переживал свой первый развод и систематично, день за днем, напивался. В его алкогольном марафоне не нужны были попутчики. Он почти ни с кем не общался. Одиночество – он наконец-то понял, что это такое. Ты просыпаешься на надувной кровати в пустой квартире и грустно улыбаешься утру. Вокруг тебя голые стены. Окна распахнуты в неумолимо надвигающуюся осень. Ты идешь на кухню и пытаешься сварганить что-нибудь из останков вчерашней закуски. Твой телефон отключен, никто не позвонит и не нарушит покой. В какой-то момент это начинает нравиться. Рамон покупал банку пива и бродил по иероглифам улиц. Сидел в полупустых кинотеатрах и смотрел экспериментальное европейское кино. Курил марихуану на задворках мегаполиса... У них не было детей. Существенно облегчает процесс, сказал юрист.

В тот день Никита поступил как обычно – забился в дальний угол с бутылкой водки и начал приобщаться к истине. Он не понимал, зачем приехал сюда. «Познакомишься с девчонкой. Расслабишься. Хватит грузиться, Рамон».

– Скучно?

Он перевел взгляд на девушку. MP3-плеер вгонял в уши атмосферу дарквэйва.

– Нормально.

Средний рост, безупречная фигура, стильная прическа. Голубые глаза. Во что она была одета? Что-то брэндовое.

– Ничего, если я посижу рядом?

– Пожалуйста.

– Меня зовут Полина.

– Никита.

– Бывал тут раньше?

– Нет.

– Я тоже.

Рамон понял, что углубиться в себя не выйдет.

Они проговорили чуть ли не до рассвета. О всякой всячине. Сейчас и не вспомнишь. Пересекающиеся интересы, парочка общих друзей... Потом компания переместилась во двор, к костру. Возникли гитара, пиво и жареные колбаски. Сколько лет прошло, все о том же гудят провода...

Девочка с глазами из самого синего льда.

На следующий день компания разъехалась. Он часто вспоминал тот вечер. Ни позвонить, ни написать. Некуда. Не спросил.

В мире Рамона угроза перевертов серьезно не воспринималась. Общество эпохи глобализма не думало о параллельных слоях. Поэтому *профсоюз* не спешил афишировать себя. Очень давно ведуны, умеющие *чувствовать* и открывать порталы, объединились с охотниками в мощную организацию, имеющую целью заработать на чужой проблеме. Профсоюз набирал и обучал охотников, брал с них клятву о неразглашении и засылал в срезы, кишащие всякой пакостью. Высшее профсоюзное руководство наладило контакты более чем с полусотней миров. В некоторых слоях имелись аналогичные структуры. Рамон не знал, как производятся расчеты. Он получал в конверте аванс, позже, по возвращении – основную часть гонорара. Детали его не волновали.

Очень скоро профсоюз преобразовался в нечто, напоминающее комитет безопасности. Государственную контору. Потому что переверты были опасны. Они пожирали миры, словно саранча. Стихийное бедствие, биологическая оккупация.

Те, кто знал – боялись.

И правильно делали.

Рамону рассказывали, что повсюду набирают рекрутов. Что где-то существуют тренировочные лагеря с содержащимися в клетках оборотнями и опустевшие города-полигоны. Байки из склепа.

Однажды, в сентябре, Рамон проснулся. В квартире было холодно. Ветер, врываясь в форточку, трепал шторы. Шел дождь.

Он приготовил себе яичницу, поел и спустился на второй этаж. В почтовом ящике лежал конверт. В конверте – деньги.

Ржавчина.

Его отправили туда.

Мир, переживший техногенную катастрофу в середине двадцатого столетия. Глобальная пустыня, разобщенные человеческие племена, пытающиеся выжить. Постиндустриальный коллапс. Конечно, то была Земля, но ведь каждый срез имеет сленговое название. И это подходило великолепно. К рваному, багровому небу, барханам, истошному вою самума, руинам городов и отчаявшимся, отдаленно напоминающим людей существам. Слой безысходности.

Платить им было нечем. К профсоюзу обратилась зародившаяся поколение назад империя, Азиатский Конфедерат. Подобие государственной системы связало воедино территории, известные прежде как Монголия, Корея, Китай и северные регионы Индостана. Оказалось, что перевертов прельстила даже эта израненная помойка. Конфедерат возродил промышленность, наладил оранжерейное сельское хозяйство, создал регулярную армию. Метрополия нового порядка базировалась в Бангкоке, куда и открыли портал для наемников. Вторгшийся авангард оборотней едва не вверг формацию в хаос. Беженцы из приграничья хлынули вглубь страны. Рамону и дюжине его соратников предстояло подготовить и возглавить карательный отряд. Чтобы дать бой «агрессору» в пустошах Великой Красной Равнины. В теории. Но переверты – они как раковая опухоль. Стоит появиться нескольким выродкам, и пойдут метастазы. Большинство тварей перебили, но это ничего не решило. Война стала партизанской. Бесконечные зачистки, ночные вылеты. Запросы в профсоюз, партии новобранцев.

На одной из первых зачисток Рамону довелось работать с Полиной. Высаживались с вертушек. Разбивались на пары, прочесывали каждое здание, каждую хибару, подвалы и чердаки. Пилот терпеливо ждал, пока они закончат.

Тяжелое вооружение нельзя использовать в войне с оборотнями. Эффект, как если бы вы гонялись за тараканами с кувалдой или взрывали квартиру, где поселились клопы. Неоправданно. Именно поэтому индустриальные и высокотехнологичные слои оказываются бессильными против вторжений. Необходимы люди, многочисленная и хорошо подготовленная армия. Антитела. Элитные подразделения спецназа идут в бой, и никто не возвращается. Ведь обычные пули, хоть и разрывные, не годятся. Обычная тактика, основанная на допущении, что противник не лазает по стенам и потолкам, не действует. Рукопашная схватка, пусть и с холодным оружием – заведомый проигрыш. Переверт – зверь. Он силен и быстр. Он хищник, неуязвимый для *простого* оружия. Он *мыслит*, даже в шкуре животного. Он *превращается*, но это не зависит от полнолуний. Каждую ночь. Едва стемнеет. И центральный стержень политики оборотней – ассимиляция. Приобщение все новых и новых особей. Проходят годы, и люди обнаруживают себя в меньшинстве. Вчерашний сосед приходит во тьме, чтобы загрызть. Ты вымираешь. А переверты идеально вписываются в освободившуюся нишу. Они питаются мясом, замыкая собой пищевую цепочку, но низкий уровень рождаемости служит естественным ограничителем. Благостный пасторальный мирок... Царство нежити.

Переучить регулярную армию сложно. Время на стороне оппонента.
Но Ржавчину отбили.

Рамон вспоминал те ночи в трущобах монгольских городков. Было не до любви. Они почти не отдыхали. Изнурительный марафон, где главный приз – биологическое господство. Рамон редко спал. В смысле, после захода солнца. Днем удавалось прикорнуть в отсеке транспортера или на привале. Самое мерзкое – выродки трансформируются лишь в темное время суток. Утро – и перед тобой мужчины, женщины, дети. Живут, работают, покупают в магазине хлеб...

Принято считать, что переверты – исключительно волколаки. Это не так. Их превращения разнообразны, но скованы неким принципом. Никто не брался этот принцип четко сформулировать. Известно, что белый медведь не появится в тропиках, а пума – в тайге. Среда обитания диктует свои условия.

В монгольских пустошах они дрались преимущественно с песчаными котами. Изредка – с варанами-переростками. И почему-то с койотами.

Рамон часто выходил на зачистки с Полиной.

Именно там, на Ржавчине, он обзавелся татуировкой, замысловатым узором на левой лопатке, а Полина – своим мотоциклом. Байк ей собрали под заказ в одной из мастерских Бангкока, и Полина забрала механического зверя с собой. А теперь притащила сюда. Мощный четырехцилиндровый двигатель, приземистая посадка, обилие никелированных деталей. Зачатки навигационной системы. Игрушка, способная разогнаться до трехсот километров за четыре секунды...

Обменявшись адресами, охотники вновь расстались. Контракт Рамона закончился. Как и война. Полине предстояли месяцы «ограниченного контроля». Плюс инструкторская практика.

А он ушел.

Запущенная квартира, неоплаченные счета. Ноябрьские ветры за окном. Установленный на двери подъезда домофон (код он, разумеется, не знал, пришлось звонить соседям с первого этажа). На лестничной площадке кого-то убили – цементный пол украшала меловая фигура, гротескно раскинувшая конечности.

Осенняя тоска сменилась зимней меланхолией. Рамон нашел тихий, сумрачный бар на западной окраине и стал забредать туда все чаще. Три столика, пара посетителей, обычная деревянная стойка. Бармен – небритый парень с острыми, даже хищными, скулами. Тихо постукивающие блюзом колонки, скрытые в кедровых панелях. Идеально.

Наступила весна.

Порывшись в блокноте, он наткнулся на телефон Полины. Подрубил свой «АОН» к сети и позвонил. Трубку не взяли. Ни в тот день, ни на следующий вечер. Мобильный оператор утверждал, что абонент временно недоступен. Зато Серега пригласил Рамона в Зеленый Бор. На шашлыки. И Рамон поехал.

Ее там не было.

Правда, нарисовался какой-то выродок, отсидевший срок за грабеж. Попытался развести Рамона «по понятиям». Дело замяли. Дурака увезли со сломанной в двух местах рукой, свернутой челюстью и треснувшим ребром. Рамон, извинившись, заплатил за ущерб. И распрощался с хозяевами дачи. Навсегда.

Июнь. Спустившись на второй этаж, он открыл почтовый ящик. Достал конверт. С авансом.

И приглашением *сюда*.

В оккупированный слой.

...Рамон думал обо всем этом, плутая на «чероки» по окрестностям Ильинска. Проезжая мимо покинутых деревень и хуторов, ветшающих комбинатов и лесопилок. Останавливаясь, чтобы свериться с безнадежно устаревшей картой.

Леа спал, Ефимыч читал Библию.

– Ефимыч!

– А?

– Не надоело?

– Давай рули.

– Мы забрались, твою мать, хрен знает куда. К вечеру не управимся.

– Господь поможет.

Рамон скривился. Если Кадилов грузится «святым текстом» – лучше с ним не общаться. По зеленке кружили до заката.

В сгустившихся сумерках выбрались с заросшего травой проселка на относительно приличное шоссе.

В замедленном сне горизонт выдвигал заводские корпуса и трубы, ряды металлических цистерн, однотипные коробки микрорайона. Вдоль шоссе тянулись догнивающие столбы с провисшими и кое-где оборванными проводами. На них гнездились воронье – истинные владыки любого мира. Мимо проплыла автобусная остановка: выложенный плиткой фрагмент земли, спрятавшийся от непогоды под дырявой шиферной крышей. В окнах отдельных многоэтажек горел свет. Но не тот, прежний, электрический, теплый и привычный. Новый свет новой реальности – питающийся керосином и воском. Справа потянулся унылый железобетонный забор. На отдельных секциях выпцвели, таяли год за годом урбанистические фрески. Граффити. Ржавел у обочины помятый, с выбитыми стеклами, троллейбус. Шорох шин, казалось, разносился на многие кварталы окрест, заглушая неразборчивые бытовые звуки квартир, чердаков и подвалов. Где-то, лязгнув, сдвинулась заглушка канализационного люка... Рамону почудился человеческий силуэт, юркнувший в парадную. Он сбавил скорость до сорока – привычка дисциплинированного горожанина.

– Не советую, – бросил Кадилов. – До заправки еще минут двадцать.

Бросив взгляд на карту, Рамон свернул на широкий проспект, ощеренный десятками потухших фонарей, облезлой рекламой и пыльными манекенами в разваливающейся одежде. Сквозь треснувшую мостовую тротуаров пробивалась трава. Заходящее солнце расстелило длинные тени, и среди них Рамон вновь заметил фигуры.

Поворот.

Шевельнулся Леа.

– Что, приехали?

– Почти, – ответил Рамон.

– Мужики, – спохватился Ефимыч. – А ведь жрать хочется.

– Вот доберемся до станции... – начал Леа.

Кадилов хмыкнул.

– Держи карман. Хоть бы там бензин остался.

Бульвар, чернеющие кроны лип и каштанов.

Поворот.

– Давайте отрежем Сусанину ногу, – предложил Ефимыч.

– Не надо, не надо...

Рамон включил фары.

Вырулив на окраины, он расслабился. Кольцевая, затем выезд на шестьдесят четвертое шоссе, мост и та самая укромная заправочка. Все.

Он прибавил газу.

Кадилов закурил.

– Достал ты, Ефимыч.

– Спокойно, Никита. Со мной не пропадешь.

Справа тянулся частный сектор и гаражи, слева – недостроенные коттеджи с прилегающими огородами. Еще дальше – зубчатая стена леса. Солнце, залив напоследок расплавленным металлом пыльные стекла деревянных изб, ухнуло в небытие.

– Здравствуй, ночь, – сказал Рамон.

Выглянула луна.

Полная.

Тени срастались, захватывали пространство и время. Отгрызали его у дня кусок за куском.

Облупившийся жестяной прямоугольник с перечеркнутой надписью «Ильинск». На русском языке.

Поворот.

Мост: впечатанные в вечернее небо конструкции, чугунные перила, отрезок двухполосной автострады...

– Вот она, – Кадилов толкнул Рамона в плечо.

«Чероки» сбавил скорость и плавно подкатил к заправочной станции.

Ряд автоматов с притороченными щупальцами шлангов и атаквистическими указателями цен, будочка заправщика, а чуть поодаль – отделанный сайдингом магазин. И уж совсем непривычное для славянских мест явление – мотель. Длинная приземистая постройка в виде буквы «Г», имеющая ряд окон и дверей, вплотную примыкающая к магазину. С плоской крышей.

Первое, что бросалось в глаза – яркие квадраты витрин.

Электрический свет.

Рамон заглушил мотор. Посигналил. Истошный вопль клаксона промчался над безлюдной парковочной площадкой и умер в крепчающих сумерках.

Никто не вышел.

Ноль реакции.

– Заправляйся, – предложил Леа, – и вали отсюда.

Рамон улыбнулся.

– Через город?

Ефимыч молча взял обрез и выбрался из машины. Прибор ночного видения делал его похожим на странное рогатое животное. Вдалеке, на пределе слышимости, громынуло.

– Туча, – констатировал Леа.

– Может стороной пройдет.

Китаец пожал плечами.

Кадилов, повозившись с заправочным автоматом, безнадежно махнул рукой. Отвернулся от налетевшего ветра, чиркнул спичкой. Обрез был зажат у него под мышкой.

Рамон опустил боковое стекло, и в салон пахнуло свежестью. Затем Ефимыч раскурил «беломор».

– Ну? – спросил Рамон.

– Заблокирован. Из будки.

Рамон посигналил еще раз. Внутри копилось раздражение.

– С востока идет, – сказал Кадилов, имея в виду фронт. – Прямо на нас.

Рамон включил фары.

– Аккумулятор посадишь.

– Твою мать, Ефимыч.

Снова – сумрак. И противостоящий ему магазин.

Затянувшаяся пауза.

– Никита прав, – раздался вдруг голос Ефимыча. Хриплый, надтреснутый. – Ехать нам некуда. Шоссе перекопано, а возвращаться в город – верный каюк. Здесь заночуем.

Рамон вздохнул.

Любит Ефимыч озвучивать невысказанное.

Небо утробно заурчало, словно репетируя, и вдруг разразилось оглушительным раскатом.

Секунду назад Рамон сидел за рулем, и вот он снаружи, с помповым ружьем, закинутым на плечо. Леа дернулся было следом, но Ефимыч покачал головой: кому-то надо остаться.

Магазин заливал светом край ночи. Льдистым пламенем полыхала неоновая вывеска. «КАФЕ». Рамон толкнул стеклянную дверь и вошел первым. Снял помпу с плеча, поводит стволом. Вытянутое помещение, три ряда стеллажей и настенные полки, уставленные консервами, трехлитровыми банками с компотом, минеральной водой, спичками, хлебом, молоком, ящиками с гвоздями и шурупами.

Рамон двинулся вдоль ближайшего ряда. Силуэт Кадилова, слившийся с вечерней мглой, скользил за гранью витрины. Впереди показались пластиковые столики, стулья, морозильники для пива и «кока-колы», касса. За кассовым аппаратом – человек.

– Эй! – окликнул Рамон.

Человек поднял глаза. Лысеющий, лет сорока, мужик в серой спецовке с множеством карманов. Узкие плечи, длинные руки. Правая – под стойкой. Рамон ухмыльнулся. Помпа смотрела точно в грудь чувака.

– Бабки считаешь?

– Работа.

– И как?

– Неплохо.

– Бумажки еще в ходу.

– Как видишь.

Отвечает спокойно. Чувствует себя хозяином положения.

– Где Матей?

Их разделяла дистанция в десять шагов. Промаяхнуться сложно. И одному, и второму. Но рядом, за стеклом, стоял Ефимыч. И держал обрез. Приличный аргумент в споре.

– Я Матей.

– Почему я должен тебе верить?

Узкие губы заправщика растяннулись.

– Потому что на дворе *послезакатъе*. А я не обернулся. Единственный в городе.

– Тогда покажи руки.

– Что?

– Достань правую руку из-под стойки. И покажи мне.

– И ты загонишь в меня пулю.

– Нет.

– Почему?

– Потому что я иду в Форт. И мне не нужна твоя смерть.

Заправщик поморщился.

– Не годится. Опусто ружье.

– Опущу, – согласился Рамон. – Но в случае чего мой друг продырявит тебя.

– Где он?

– На улице.

* * *

В будке вспыхнул свет.

Со своей позиции на крыше Рамон видел, как Ефимыч берет шланг и подходит к машине. Леа обходил станцию по периметру. Он почти сливался с окружающим ландшафтом. Клубящаяся мгла, подсвеченная луной, загромождала все небо. Вновь гроыхнуло.

Рамон опустил на одно колено.

Станция, как он и предполагал, была оборудована мощным дизельным генератором армейского образца, спрятанным в подвале. Матей нашел сей агрегат на складе военной базы в пятнадцати километрах к юго-востоку отсюда. Достопримечательностей там хватало: побелевшие кости солдат, зачехленная бронетехника, консервы. Артезианская скважина, бункер, система спутниковой связи... Впрочем, устанавливать эту связь уже некому. Да и сами спутники вряд ли функционируют.

Движение.

На площадку выбежал четырехлетний Игорек. Сын Матея. Рамон расслабился, отвел пушку.

– Порядок! – крикнул Кадилов.

Заправщик потушил свет и вышел из будки. Запер ее на ключ. Багажник «чероки» под завязку набили запасными канистрами, консервами и пластиковыми бутылками с водой. В бардачке лежала пачка ксерокопий – карты района, подъезды к Форту. Патроны с серебряной картечью – для кадиловского дробовика.

– Папа!

Игорек вприпрыжку помчался к отцу. Вцепился в штанину. Матей поднял малыша и отшлепал по заднице. Поставил на асфальт.

Мальчик заныл.

– Папа...

– Что я тебе говорил?

– Не выходить...

– Верно. Не выходить наружу после заката. Марш домой.

Ребенок подчинился насилию.

Матей повернулся к Кадилову.

– Тачку отгони в гараж. Целее будет.

В воздухе блеснули ключи. Ефимыч, поймав связку, сел в машину. Из-за будки вынырнул Леа, кивнул Рамону: чисто.

Джип медленно покотился к дальней оконечности мотеля. Туда, где торчало неказистое жестяное сооружение. Гараж.

Рамон, громыхая кроссовками по жестяной крыше, зашагал к распахнутому люку. Нашупав ногами верхнюю ступеньку деревянной лестницы, спустился в тускло освещенную утробу подсобки. Из-за напластований ящиков, мешков, картонных коробок и сломанных стульев было достаточно сложно развернуться. Рамон стал пробираться к зарешеченному красному огоньку лампы и смутно прорисованному прямоугольнику двери. Дальше – узкий коридор, ведущий к черному ходу и занавешенный куском выцветшей тряпки проем. Рамон отодвинул тряпку и оказался в магазине, позади кассы.

– Бабай! – Игорек ткнул в него пальчиком.

– Нет, – улыбнулся Матей. – Это дядя Никита.

– Никитя.

– Никита.

Леа и малыш сидели за пластиковым столом. Матей приводил в движение хитрый механизм, закрывающий витрину гофрированным стальным листом.

Рамон потянулся, хрустнув суставами. Устало прислонился к стене.

Хлопнула дверь, и на пороге возник Кадилов.

– Запри, – бросил Матей.

Ефимыч забренчал ключами, искривившись вопросительным знаком.

– И так... каждую ночь? – спросил Рамон.

– Нет, – заправщик перешел к следующему окну. – У меня с *ними* паритет. Я не вмешиваюсь в их дела, они – в мои. Днем ведь *всякий* нуждается в керосине, спичках, соли. Только я знаю, где их достать.

– База, – догадался Рамон.

– В том числе.

– Но ты из Форта.

– Никто про это не знает.

Ефимыч, наконец, справился с замком и присоединился к компании. У стены, под необъятным зеркалом, пристроилась электроплита, на ней – закипающий чайник. Зеркало дробило и расширяло реальность, сталкивало фрагменты бытия. Лицом к лицу.

– Сегодня не так, – сказал Рамон.

– Верно, – голос заправщика доносился из-за стеллажа. – Здесь вы. Бойня в Родевинууме, живые мертвецы... Вы же из тех краев?

– Да, – Рамон похолодел.

– И с вами был некромант.

– Да.

Удаляющиеся шаги.

– Понимаешь, Никита, в среде перевертов слухи распространяются быстро. Невероятно быстро. Есть, к примеру, птицы.оборотни-птицы. Как правило, они не войны. Переносчики информации.

Брови Рамона поползли вверх.

– Ты не знал?

Леа поднялся и выключил свистящий чайник. Игорек пытался раскурочить пластмассового робота с лампочками вместо ушей. К разговору он интереса не проявлял.

– Сделай кофе, – попросил Ефимыч.

– Пакет под стойкой! – крикнул Матей. – И банка с сахаром.

Леа побрел к стойке.

Спустя четверть часа они сидели за столом и пили обжигающий, крепкий кофе. Малыш скрылся за стеллажами.

– Вы ехали через город, – продолжил Матей.

– Шоссе перекопано, – сказал Рамон.

– Они это сделали. Еще вчера. Вас ждали.

Рамон поставил чашку на стол.

Память услужливо подсунула картинку: еврейское кладбище, воскрешенные твари, немая сцена истребления...

Птицы. У древних скандинавов – кабан, у японцев – лиса, у валлийцев – заяц. А они превращаются во *всё*. Презирая логику, законы сохранения, вековые представления о себе. Дьяблерио... И царь природы оказывается не таким уж и царем, схлестнувшись с *думающей* природой. С природой *двойственной*. Вот что писал о дьяблерио Кастанеда: «...термин, используемый только сонорацкими индейцами. Он относится к злому человеку, который практикует черную магию и способен превращаться в животных – птицу, собаку, койота или любое другое существо». И еще: «Говорят, что дьяблерио – это брухо, который может принимать любую форму, какую он хочет принять». В свою очередь *брухо* – некий аналог шамана. Колдун. Ключевой момент: способен принимать *любую* форму по собственному усмотрению. Переверт, обладающий сверхспособностями. Вот почему цитата прочно засела в памяти Рамона. Мог ли автор этих строк встречаться с иерархами? Пусть даже не с ними – с теми, кто свободно меняет формы? Где правда, а где миф?

Кастанеда в «Разговорах с Доном Хуаном» описывает такой случай. Женщина, умевшая превращаться в суку, забежала в дом белого человека, чтобы украсть сыр. Тот застрелил ее. Собака подышает в доме белого, и в ту же секунду умирает женщина в своей хижине. Далее. Родственники требуют выкуп, и белый человек расплачивается за убийство. Что из всего этого следует? Во-первых, сущность диابلера в корне отличается от сущности оборотня. Колдун находится как бы в двух местах сразу. Не оборачивается, а раздваивается. Во-вторых, преследуя определенные, зачастую корыстные цели, в то же время мирно сосуществует с простыми смертными. Людьми.

Никакого конфликта.

Вражда начинается с переходом *качества* в *количество*. Диابلеры размножаются и уже представляют угрозу. Допустим, веками существовал кодекс, ограничивающий их численность. И в одном из миров кодекс был нарушен. Началась экспансия. Вот только деградирует раса завоевателей. Генофонд ухудшается. Идет вырождение. Почему – другой вопрос... Логика подсказывает, что прародители, иерархи, должны остаться. Переверты живут долго. Веками, если их не истреблять.

Рамона мучил страх. Каковы цели мифических иерархов? Каковы их реальные силы? И что будет, если они решат вмешаться в ход войны? Например, здесь... «Есть ли диابلеры теперь, донья Лус?». – «Подобные вещи очень секретны. Говорят, что больше диابلеров нет, но я сомневаюсь в этом, потому что кто-нибудь из семейства диابلеров обязан изучить то, что знает о диابلере. У диابلера есть свои законы, и один из них состоит в том, что диابلер должен обучить своим секретам одного из своего рода». Вот так. Знание – сила.

Течение мыслей нарушил Кадилов, успевший за это время совершить обход магазина.

– Вход не закрываешь? – спросил он, усаживаясь на прежнее место.

– Там стекло бронированное, – пояснил Матей.

Ефимыч кивнул.

– А люк на крышу?

– Обычно – нет.

Рамон махнул рукой, и Леа поднялся.

– В подсобке, – сказал Матей. – Прямо по коридору.

Китаец скользнул за стойку.

* * *

Лес наполнился живыми звуками. Пульсировал, подчиняясь внутреннему, извечному ритму. Рождение, смерть, прием пищи, сон. Ничего, кроме этого. Никаких искусственных мотивов, свойственных разуму. *Он* двигался сквозь чащу, прекрасно ориентируясь во тьме. Его кошачье зрение позволяло рассмотреть мельчайшие детали: листву на деревьях, заросшие мхом пни, пугливого зайца... Он не отвлекался. Шел напрямик, к жилью *неизменных*. Его могли опередить. Дети, слабые и предсказуемые дети. Он чувствовал их ярость, их страсть. Он проникся их ненавистью, агрессией. Бежал, и город скалился вслед.

Но это не вызов.

Это бессилие.

Ведь он быстрее. Он – тот, кто опережает. Он – в стороне. И он давно не встречал подобных себе. Около двухсот лет. Но его призвали. Попросили о помощи.

Не смог отказать.

* * *

Стук.

В дверь.

Рамон подобрался, ладонь легла на холодный металл «аграма». Кадилов отставил чашку с остывающим кофе. Остальные спали, растянувшись на матрасах и укрывшись клетчатыми пледами из запасников Матей. Игорек раскрылся и перевернулся на живот.

Дежурить решили попарно. Сейчас было далеко за полночь, в три их сменят Матей и Леа. Ефимыч разгадывал пожелтевший кроссворд, ожесточенно черкая карандашом, Рамон раскладывал пасьянс.

– Слышал? – Кадилов поднял указующий перст.

Рамон кивнул.

Бесконечный шум ливня скрадывал, нивелировал все звуки. Порой воздух сотрясали громовые раскаты.

Стук повторился.

Лампы притушены, за исключением той, что над столом. В магазине полумрак. За стеной тишина.

Кадилов осторожно двинулся по мрачному тоннелю, образованному «зашторенными» витринами и длинным стеллажом. Рамон, пригнувшись, – вдоль противоположной стороны стеллажа. Входа он достиг первым.

За стеклом смутно вырисовывалась человеческая фигура.

– Кто?

– Откройте.

– Ты кто такой, мать твою? – сорвался Рамон.

– Свой.

Рамон шагнул к двери. Щелкнул выключателем – галогенный светильник выхватил среднего роста индивидуума, короткую стрижку, выдающиеся скулы, неопределенного цвета глаза. Странную хламиду наподобие пальто, расшитую забавным орнаментом. Мокрую хламиду. Сверху обрушивались подсвеченные галогенкой белесые потоки воды, площадка перед отелем представляла собой бурлящую жидкую среду. С подбородка незнакомца падали капли.

По кафельной плитке, звякнув, поехали ключи.

– Я один, ребята.

Рамон нагнулся, поднял связку. Нашел нужный ключ, левой рукой вставил в скважину. Провернул два раза.

Дверь открылась.

Незнакомец вошел.

– Стой здесь, – бросил Рамон. И высунулся в проем. Проверить обстановку. События не заставили себя долго ждать: от заправочных автоматов отделись две смазанные тени, метнулись к магазину. Волки. Авангард.

Рамон нажал на спуск и провел стволом слева направо. Очередь скосила гостей почище стального клинка. Гигантская лужа порозовела.

Ночь закричала.

Ну, сперва взвизгнула. Рев десятков звериных глоток, вопль злобы и ненависти. Кто-то с силой втащил Рамона внутрь и захлопнул дверь. Ефимыч. Закрыться он не успел – мощный удар буквально отшвырнул его к дальней стене. В помещение ворвалась непогода. А еще – нечто быстрое и упитанное. Кабан. Обрез вылетел из руки Кадилова и теперь был далеко. Рамон начал поднимать «аграм» – но медленно, слишком медленно. Кабан задержался на секунду – именно столько времени ему потребовалось, чтобы сориентироваться. Хватило. В причинно-следственную цепочку врубился Леа. Сверкнул клинок, украшенный иероглифами, вычерчивая смертоносную окружность. Кабан развалился. На равные половинки. Взгляду Рамона предстала тошнотворная мешанина вывалившихся внутренностей.

Опомнившийся незнакомец рывком закрыл дверь. Ключ заворочался в скважине.

Вовремя. Бронированное стекло затрещало под градом ударов, но выдержало. Устояла и коробка.

Рамон повернулся к пришельцу.

– Ты сказал, что один.

В его словах и голосе отчетливо звучало недоверие. Парень в хламиде попятился. И уперся в дверь. Лишь тонкий пласт бронированного стекла отделял его от скребущих когтей, жадного урчания и клацающих клыков. Некое растянувшееся мгновение звуки беспрепятственно сверлили тишину магазина. Затем – как отрезало. Тут же раздался сонный детский плач. Успокаивающий шепот Матея...

Взгляд незнакомца что-то выражал, и Рамон пытался это уловить. Наверное, страх. Нормальное чувство – для войны.

Губы человека разлепились:

– Я был один.

– Нет! – рявкнул Рамон. – Тебе *чудилось*, что ты один. Существенная разница.

– Не трожь его, Никита, – Ефимыч шарил по кафелю, разыскивая обрез. Ствол обнаружился под стеллажом. – Он не виноват.

– Они могли влезть *сюда*. – В горле у Рамона пересохло. – К нам. К ребенку.

– Могли, – Ефимыч поднялся. – Но не сделали. Он успел закрыть дверь. Он человек.

Рамон пожал плечами.

– Это еще требуется доказать.

– Мужики... – начал незнакомец.

– Ефимыч, – Рамон не обращал на него внимания. – Дай ножик.

Кадилов фыркнул.

– Я сказал – ДАЙ НОЖ.

Со стальными нотками. С угрозой. Потому что он – лидер. Он принимает решения. И он *опасается*.

– Вы еще подеритесь, – встрял Леа. – Из-за этого урод.

– Я иду в Форт, – сказал чужак.

– Ничего не доказывает, – Рамон поймал за ручку стилет. – Где твое оружие? Ты ходишь в мире, оккупированном перевертами. Все кишит ими. Без оружия и шагу ступить нельзя.

– Я недавно выпал.

– Откуда?

– Из врат.

– И что?

– Меня не тронули.

– Откуда ты знаешь про Форт?

– Ниоткуда.

– Руку.

Мужик в хламиде не стал спорить. Протянул ладонь. Рамон полоснул по ней граненым лезвием. Выступила кровь. Прошла напряженная минута, а рана не затягивалась.

– Ты человек, – признал Рамон. – Извини.

Незнакомец кивнул. Сдвинулся, освобождая обзор. На улице по-прежнему шумел ливень. Площадка опустела, но где-то на периферии мелькнуло черное пятно. Чернее ночи.

Ты слишком недоверчив, Никита. Вспомни Азарода. Он спас тебя и группу, а ты... Хватит. Диаблеро нет. Иерархов нет.

Все это чушь собачья.

* * *

Половина третьего.

Все спят.

В том числе Лайет, человек с дождем в ботинке. Матраса ему не нашлось – дрыхнет прямо на полу, подстелив замысловатую накидку. Пальто, плащ... Интересный крой, не разбираешь. Вышивка эта... Может, для отпугивания? Формулы там, или заговор.

Звери рыскают где-то, но не атакуют. Готовят штурм.

– Ефимыч!

Кадилов открыл глаза.

– Чего тебе?

– Не спать.

Ветеран зевнул. Помял пальцами неразгаданный кроссворд. И пошел ставить чайник.

Дождь барабанил по крыше.

А в коридоре, за стойкой, кто-то храпел.

Нет. Сопел.

Рамон вскочил, отшвырнув пластиковый стул. Ствол «аграма» взметнулся, отслеживая цель – взмывшее над кассой лохматое тело. Поджарый молодой вервольф. Никита расстрелял его одиночными. Два в грудь, один в голову. Шагнул в сторону. Тело шмякнулось на стол, разломив столешницу и раскидав фарфоровые кружки. Прокатилось еще с метр и врезалось в угол стеллажа. Упало несколько бутылок с минералкой.

Звон бьющегося стекла. Закатки.

– Твою...

Кадилов разнес голову сунувшемуся в проем медведю. Леа, скатившись с матраса, обнажил меч. Снова выстрелы – Матей палит из «Макарова» по влетевшей в зал птице. Ворон-переросток с небывалым размахом крыльев. И небывалой аэродинамикой. Переверт легко уклонился от огня, меняя углы и высоту с проворством мухи. Леа, выполнив сальто, оказался на стойке. Взмах – и левое крыло твари отсечено. Еще взмах – красные брызги и перья. Крушение аппарата.

Рамон навел пушку на проем. Теперь – черную дыру в стене (падая, медведь сорвал занавеску). Рядом стояли Кадилов и Матей. Три ствола – в одну точку. Леа, застывший в боевой стойке, с занесенным над головой мечом. Истошно орущий Игорек...

Безмятежный Лайет.

Сидит на полу, скрестив ноги. Статуя пофигиста. Никакой он не наемник, подумал Рамон. Вообще не солдат. На кой ему Форт? Для чего он здесь, в оккупированном срезе?

– Лайет, – обратился он к новичку. – Останешься с ребенком. Попробуй успокоить.

Чужак кивнул.

– Матей, Леа – со мной. Ефимыч – держи проход.

Втроем они медленно двинулись по темному коридору. Рамон чертыхнулся, споткнувшись о медвежий труп.

– Я свет включу, – предложил заправщик.

– Не надо, – Рамон прищелкнул к «аграму» подствольный фонарик. Узкий луч всверлился в черноту. – Глаза привыкли.

Рамон свернул к черному ходу. Тщательно обследовал дверь. Переверты явно пробовали ее на прочность, но дерево, обитое листами из нержавеющей стали и укрепленное арматурной решеткой, выдержало.

Выстрел.

Крик.

Подсобка.

Рамон бегом преодолел отрезок, отделявший его от провала в загроможденное ящиками помещение. Луч заметался, выхватывая то пластиковый контейнер, то корчившуюся в пред-

смертных судорогах рысь, то зажимающего горло бледного Матея. Леа с мечом у стремянки. Распахнутый в ночь люк. На крышу. Вот откуда они лезли. Шатались над головой, гремели жестью, а Никита не мог взять в толк – что за звуки. Гадство.

Он склонился над заправщиком. Тот что-то пробулькал. Не жилец...

Рамон шагнул к стремянке. Под подошвами неприятно хлюпало.

Переглянулся с Леа.

Два прыжка – и китаец на крыше. Рык. Глухие удары. Возня. Рамон не ждет – взбирается по стремянке, подтягивается, не выпуская оружия, перекачивается на колено. Занимает позицию.

Дыхание.

Развернуться – выстрелить. Трое слева. Очередь. Перезарядить обойму. Отрезки, фрагменты, куски действительности.

Моменты боя.

Рамон осознал, что стоит посреди крыши, мокрый, под унылым косым дождем, сжимая обеими руками пистолет. В пятнадцати шагах от него – припавший на одно колено силуэт Леа с изогнутым отростком, торчащим из спины – мечом. Запоздалое понимание – напарник держит клинок обратным хватом... Мертвенные, синюшные отблески неоновой вывески. Бесформенные тела – иные уже обретают человеческую форму.

Рамон осторожно, чтобы не поскользнуться, побрел к китайцу.

– Ты как?

Леа выпрямился.

– Ничего. Отбились.

Рамон приблизился к краю крыши.

Бассейн перед магазином пуст. Влажно поблескивают стойки, поддерживающие навес над заправочными автоматами.

– Ну, вы, блин, даете, – в дыре люка нарисовалась голова Кадилова.

– Тебе чего, Ефимыч? – Рамон вглядывался во тьму. Оборотни либо отступили, либо затаились.

– Сваливать надо.

– Рехнулся?

– Генератор сдыхает, мужики. Топлива в доме нет.

Рамон рефлекторно выключил фонарь.

– И что?

– Как что – без света останемся.

– Ефимыч, не дури. Мы держим крышу. По-другому внутрь не влезть. Подождем до утра.

– А патронов у тебя хватит?

Рамон прикинул. И помрачнел. Основной боезапас хранился в багажнике джипа. «Чероки» в гараже. С собой у него коробка двенадцатого калибра (для помпы) и ни одной обоймы для пистолета. За исключением той, что он недавно вогнал. И почти на половину расстрелял. Вот же Ефимыч... Тактик хренов.

– Ладно, – Рамон сдался. – Твой план?

– Берем всех и дуем к гаражу. Дальше – по проселку, лесом. К военной базе. Тачку им не догнать.

– Почему к базе?

– Сам посуди. Шоссе перерыто, а через город – гиблая затея.

Рамон подумал.

– Согласен.

* * *

Дождь едва моросил.

Шум водопада в канализационной решетке...

Они идут к гаражу. Авангард – Ефимыч, надвинувший на глаза тепловизор, в одной руке обреза, в другой стилет; губы шевелятся, читая охранную молитву. За ним – Лайет, держащий за руку Игорька. Замыкает Леа. Рамон чуть в стороне, в каждой руке по стволу. Наемники... Кучка испуганных беженцев. По крайней мере, так они выглядят со стороны.

Стороны ночи.

Генератор давно умер. Неоновое «КАФЕ» потускнело. А далеко на востоке брезжили проблески зари...

Они огибают будку и приближаются к покосившейся коробке гаража. Ребенок тихо всхлипывает.

Кадилов делает шаг.

Звенят ключи.

И тьма срывается с привязи. Скрежет когтей по асфальту. Утробный рык. Зверье прыгает с крыши мотеля, выныривает, словно из ниоткуда, и атакует. Без предупреждения. Слепо и яростно. Как всегда.

Тишина отшатнулась, раздираемая выстрелами и криками. Ефимыч, необоримая сила света, прокладывая себе путь, убрав бесполезный, разряженный обреза. В его правой руке появилось сияющее, остро отточенное распятие, которым он разил визжащих волков и лисиц. Сейчас Кадилов был похож на жнеца. Или жреца, служителя креста и кинжала, мерно взлетающих над его головой. После каждого взмаха – кровавая радуга, раздробленные кости, размозженные черепа. Ангел Смерти... Леа в смазанном вихре клинков, предутренний танец стали... Сам Рамон, жмущий на спусковые крючки, серебряные пули, прошивающие тела врагов. Страх отступил, им нечего терять. Ружейные патроны кончаются, Рамон использует ствол в качестве дубины: сворачивает челюсти, ломает суставы и коленные чашечки, добывает выстрелами из «аграма».

Чуть поодаль стоит ребенок.

На его глазах оживает ад. Вываливаются внутренности, проминаются оскаленные морды, летят черные брызги. Он видит срубленные головы и отсеченные лапы. Он наблюдает, как странный дядя в разрисованном плаще голыми руками сворачивает шеи и вынимает сердца. Порой ему кажется, что дядя неотличим от тех, с кем дерется, что он покрывается шерстью и у него отрастают когти-клыки, и движется он с невероятной нечеловеческой скоростью, недоступной даже тому мужику с мечом... А в следующий момент странный дядя возникает рядом, лицо у него скучное, будто это не он, кто-то другой, крушил секунду назад потусторонних монстров. Холодная ладонь касается плеча Игорька.

Игорек смотрит.

Как Никита, друг папы, валяется в черной луже, выставив пистолет, а над ним нависает огромный, ужасный медведь. Никита знает, он считал, серебряные пули кончились. Осталась одна. Заговоренная Азародом. Он жмет спуск. Потому что выхода нет. Механизм вгоняет пулю в глаз переверта. Тот падает. Не обманул некромант...

Из черного зева гаража выкатывается обтекаемый танк. Вспыхивают зарешеченные фары. От танка *пахнет* мощью.

Игорек не может сдвинуться.

Он смотрит.

На кладбище, бывшее некогда его домом.

Смотрит до тех пор, пока кто-то сильный не хватает его за шиворот и не втаскивает в машину.

День

Шум дождя проникал в сны, перемешивался с воспоминаниями и фантазиями. Нудные часы предварительного инструктажа, заброска в срез, первая ночь с Полиной – все слилось в лихорадочном потоке. В водовороте сознания мелькали лица, цветные аппликации персонажей, обрывки фраз, ощущений, запахов... Массовые сцены из Ржавчины, Родевинума, Ильинска, десятка других слоев... Отрешенный голос Кадилова читал заупокойную молитву.

Ребенок.

Это уже реальность.

Рамон открывает глаза и видит сына заправщика, теребящего его рукав.

– Дядя, дядя...

– Никита, – напомнил Рамон.

– А скоро мой папа придет?

– Нет.

Рамон, судя по всему, отрубился на заднем сиденье джипа. Он проспал всю дорогу от станции до военной базы, сменил Ефимыча перед въездом в город (был рассвет, и оборотни попрятались по домам), а позже, в лесу, чуть не съехал в кювет. За руль вновь сел Ефимыч.

Дальше корни памяти ныряли в сон.

Царство Морфея.

– Дядя.

– Что?

– А почему папа не плидет?

– Он уехал.

– Куда?

– Не знаю. Отстань.

В машине, кроме них, никого не было. Рамон открыл дверцу, и в салон дохнуло свежестью. Дождь прекратился. «Чероки» находился в лагере, у самого въезда. Видимо, пока Рамон спал, народ повытаскивал канистры с бензином.

Ефимыч курил, прислонившись к переднему бамперу.

Игорек перелез через Рамона и подбежал к Кадилову.

– Дядя Лампий!

Рамон хмыкнул.

– Привет, малыш, – Кадилов потрепал ребенка по голове. – Как спалось?

– Холошо. А когда мой папа приедет?

– Скоро. Иди поиграй.

Рамон не привык общаться с детьми. Он не знал, что делать с неожиданным спутником. Взять с собой в Форт – это понятно. А там?

Он выбрался из машины.

– Доброе утро, – обернулся Кадилов.

Небо чистое, без единого облачка. словно и не было ничего. Только земля сырая да блеск росы на траве.

– Здравствуй... преподобный Лампий.

Кадилов невесело улыбнулся.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, и река сверкала подобно наждачному полотну. Догорал костер, у которого собрались почти все члены группы. Рамон заметил длинные волосы Полины, сумрачный профиль Азарода и придурковатую хламиду Лайета. Неподалеку валялась кучка нарубленного сухостоя – явная заслуга некроманта.

Рамон открыл переднюю дверцу, сел за руль. Пошарил по кожаной обивке, взял опустевший «аграм». Снял подствольник, выщелкнул обойму. В бардачке лежали еще две. Одна – с серебряными пулями, другая – с обычными. Ту, что с серебряными, Рамон загнал в магазин. Ту, что с *обычными* – сунул в карман. Убрал пушку в кобуру.

– Жарко, Ефимыч.

Кадилов кивнул, докурил сигарету и выбросил бычок.

– Пошли есть, Никита.

Рамон покосился на мальчишку. Игорек носился вокруг байка Даздры, радостно повизгивая. Странная реакция, учитывая то, что он видел несколько часов назад. Детская непосредственность...

Кадилов проследил за его взглядом.

– Пожрали все, кроме нас.

Они направились к костру.

– Привет, сталкеры! – Хрон оторвался от бутылки и поднял руку. – Как в зоне?

– Дожди, – сказал Рамон. – И злые животные.

Полина засмеялась. Миг – и она рядом, виснет на шее, целует в ухо. *Я соскучилась*. Весь ее вид говорит об этом.

Я тоже.

Даздра протянула Рамону миску с макаронами и тушенкой, ложку и кусок хлеба. Рамон высвободился из объятий Полины и опустился на плоский валун. Поставил миску на колени. Миска жгла кожу, но он был слишком голоден.

Хлеб – весьма занимательная вещь. С трудом представляешь себе оборотней, рвущих по ночам глотки соседей, а днем отправляющихся на работу в пекарню. Но в оккупированных слоях все так и происходит.

– Хавайте, – Хрон икнул. – Сегодня горячая вкуснятина.

Лайет сидел с отрешенным видом, скрестив по-турецки ноги. От Азарода веяло холодом. Мумик и Леа купались. Компания друзей выбралась на природу...

Кадилов расстелил перед собой карту. Из тех, что дал Матей. Все, за исключением жующего Рамона, придвинулись к нему.

– Мы почти у цели, – Кадилов ткнул пальцем в нижний угол распечатки. – Здесь. Если ехать вот этим проселком, попадаем на закрытую автомагистраль. Дует по ней, и к ночи мы в Форте.

– Погоди, Ефимыч, – Хрон нахмурился. – На наших картах этой магистрали нет. И проселка тоже.

– Верно. Наши карты устарели.

– Выходит, эту трассу построили переверты?

– Ерунда. Переверты ничего не строят. Сам знаешь. Вероятно, ее проложили незадолго до вторжения. Ввели в эксплуатацию. И по каким-то причинам закрыли. Началась оккупация, и, естественно, всем было не до карт.

Хрон пожал плечами. Видимо, соглашаясь.

– А мне все ясно, – сказала Полина. – Вторжение пошло именно оттуда. Люди, что ехали в Ильинск, стали пропадать. Следствие ничего не дало – менты тоже не вернулись. Вот и закрыли.

– Недурная версия, – фыркнул Лайет.

Все посмотрели на него.

– А почему оборотни *гораздо* быстрее людей, – продолжал ночной путник, не обращая внимания на настороженные взгляды. – И почему превращаются *лишь* по ночам – тоже можешь объяснить? Или, допустим, как возникают вермедведи? Каждый в курсе – нарушается закон сохранения массы. Но переверты его обходят. Каким образом?

Повисла пауза.

– Ну что ж, умник, – Рамон отставил миску. – Объясни нам.

Лайет осклабился.

– Объясни, – Рамон поднялся, – что это за символы на твоей хламиде. Почему твари тебя не трогают. Ты безоружен, но ничего не боишься. Почему?

– Символы... – протянул Лайет. – Древние знаки моей расы. Они носят предупредительный характер.

Внимание Рамона привлек Леа. Китаец замер в нескольких метрах от кострища, мокрый, в одних плавках, с поднятым над головой чуть изогнутым мечом. Светило солнце, но в иероглифах отражалась луна – они мерцали, как всегда, при появлении переверта.

Рамону захотелось кричать.

Он все понял, но «аграм» лежал в машине. А в зрачках Лайета клубилась ночная мгла.

Их взгляды столкнулись.

Лайет исчез. Точнее, не исчез, а перетек в некую аморфную субстанцию, и эта субстанция в мгновение ока очутилась рядом с Леа. Китаец не успел даже шевельнуться – резкий, чудовищный по силе удар пробил его грудную клетку. Что-то замычал Мумик – и упал с разорванным животом. Хрон попытался вскочить – хрустнули переломанные позвонки. Даздра выбросила перед собой руку с когтем – и покатила снесенная взмахом лапы голова. Раздались выстрелы – это Полина открыла огонь из револьвера. И рухнула в песок. В считанные секунды большая часть спутников Рамона умерла.

Правда, сюрпризы не кончились.

Азарод, схватив *рунный топор*, пригнулся и описал им широкую дугу. У самой земли. Переверт споткнулся, обagrив песок собственной кровью.

Кошмар схлынул.

Потому что в лоб твари уперся обрез Кадилова. Рамон, словно извне, услышал себя, как он орет «Мочи его, Ефимыч!», почувствовал свои сжатые кулаки, увидел побелевшие костяшки пальцев... И безграничную ничтожность. Беспомощного себя.

Он заткнулся.

Пассивный зритель театра трагедий... Спектакль шел своим чередом. Поджарый волк вновь морфировал в человека. Ломался скелет, шерсть вращалась в кожу, втягивались клыки. Уменьшался рост.

Перед ними опять стоял Лайет. В прежней хламиде, с гримасой боли на лице. Под его левой ногой, обутой в тяжелый ботинок, скапливалась буроватая лужица.

– Кто ты? – спросил Кадилов.

За Лайета ответил Рамон:

– Иерарх.

Короткая мизансцена. Под занавес.

Первым побуждением после выхода из ступора было броситься к Полине. Рамон повернулся – и увидел, что с девушкой все в порядке. Она поднялась с земли. Шагнула к раскаленным угольям костра. Ее револьвер валялся в пыли.

– Ты как? – Рамон осмотрел ее с головы до ног. Задержался на прорванной майке. Плечо. Запекшаяся на ране кровь. Плотный комок в горле...

– Нормально.

Рамон не стал спорить. Он перевел взгляд на Лайета.

– Валите его, ребята.

Палец Кадилова плавно давит спуск.

– Нет. Вы не можете, – Лайет совершенно спокоен. – Потому что я иду в Форт. Как представитель своей расы.

– Мне плевать, – возразил Рамон. – Ты перебил почти всех ребят и заразил мою девушку. Ты умрешь.

Он смотрел то на Кадилова, то на Азарода. Лица спутников были мрачны.

– Ефимыч... Спятил совсем? ОН ВРАГ!

– Да.

– Сделай это.

– Не имею права.

– Я приказываю.

– Расклад изменился, Никита.

Вот оно – тихое сумасшествие. Мир переворачивается, и тебя выбрасывает на орбиту.

– Хорошо, – Рамон двинулся к джипу. К пушке.

– Стой, смертный.

Перед ним вырос четырехлетний Игорек. Малыш преградил ему путь. В глубинах зрачков малыша клубилось *нечто*, отчаянно жаждущее свободы. И если *нечто* выберется, понял Рамон, всем конец.

– Возьми свое оружие, – Игорек протянул Рамону пистолет. – Но если ты расстроишь меня – оно вряд ли поможет.

Рукоять «аграма» легла в ладонь.

– Объясните ему, – не выдержал Азарод. – Видите, он не понимает.

Кадилов вздохнул.

– Присядь, – посоветовал Игорек, – В ногах правды нет.

Рамон вернулся на прежнее место. Вяло опустил на валун.

Кадилов опять вздохнул.

И заговорил:

– Речь о портале, Никита. О том, что нам предстоит сотворить в Форте. Видишь ли, это нестандартный портал. Перекресток. Одна точка выхода и сотни – входа. Солдаты окрестных реальностей устремятся сюда. Люди здесь победят, вернут свой мир. Ты должен понимать, насколько это важно. Проблема в том, что перекресток открыть сложно. Пробить ткань пространства способен лишь Круг Избранных, состоящий из представителей различных рас. Все они собираются сейчас в Форте... Я – представитель Высших Сфер, ангел начала. Третья степень, шестой уровень.

Рамон выслушал тираду Кадилова. Похоже, тот был вполне серьезен.

– Я представляю Низшие Сферы, – сказал Игорек. – Сообщество демонов.

– Я – некромант, – добавил Азарод. – Раса Четырех Стихий.

– А я, – заключил Лайет. – Из тех, кого вы называете иерархами. Мы – предки переворотов. И без меня перекресток не распадется.

Несколько секунд Рамон переваривал информацию. Затем обратился к иерарху:

– Пострадает твоя раса. Почему ты согласился?

– Мои мотивы, – Лайет оскалился. – Мы, старейшие, не считаем *этот сброд* равными себе. Выродки, недостойные быть нашими потомками. Я хочу вернуть все на привычные места. Людей – больше, нас – меньше. И никаких крестовых походов. Никаких наемников вроде вас.

– Тогда для чего понадобилась эта бойня? – Рамон обвел широким жестом остров.

– Вынужденная мера. Я защищался.

– Ты напал первым.

– Вы бы убили меня, даже не спросив, кто я такой.

– А Полина? – Рамон чуть ли не плакал. – Зачем ты ее... приобщил?

– Ответ на поверхности. Каждый иерарх должен найти ученика. Передать свое мастерство. И я нашел.

Рамон поймал себя на том, что хочет вскинуть пушку. И расстрелять эту циничную сволочь.

Чья-то рука опустилась на плечо.

Азарод.

– Нет. *Позже*.

Рамон проглотил комок. Заставил себя спросить:

– А кто от людей?

Ответил Игорек.

– Ты.

* * *

Незадолго перед высадкой Полина сделалась его навязчивой идеей. Он звонил ей каждый день с одинаковым результатом. Телефон Полине отключили за неуплату – благодаря Ржавчине. Они встретились вновь, когда Рамон выпал из портала в одичавшем яблоневом саду. Ефимыч, Леа, прочие присоединились к ним позже. Тогда они были вдвоем. Да еще «чероки», байк Полины, ясное звездное небо, костер. Переверты в сад не лезли. Те три ночи и два дня были самыми счастливыми в жизни Никиты. Они любили друг друга, говорили обо всем на свете, гуляли по саду, снова занимались любовью...

А сейчас у нее исчезла рана.

Уже.

Ни следа от клыков Лайета. Они стоят рядом на берегу реки, вглядываясь в мутную воду. За их спинами – свежие могилы друзей. Оба понимают, что мосты рушатся. *Чуждое* разделяет их.

– Никита! – ангельский голос Кадилова. – Ты здесь ночевать решил?

Полина взяла его за руку.

Они двинулись к джипу. Азарод и Ефимыч спешно сворачивали лагерь. Рамон пытался помочь, но все валилось из рук...

Солнце повисло в зените.

Рамон подошел к Азароду.

– Спасибо.

– За что? – удивился некромант. Несмотря на жару, Рамон кожей чувствовал лед. Вечный лед повелителя смерти.

– За пулю. – Рамон протянул магистру Четырех Стихий обойму. – Сделаешь еще?

Азарод кивнул.

Кадилов закрыл багажник «лады» и сел за руль.

– Пора, – сказал Игорек.

Рамон кивнул.

Их ждала дорога.

Ночь

На подъезде к Форту миновали два блокпоста. Серьезных, с магическими барьерами, угрюмыми спецназовцами в одинаковой серой форме без знаков различий, заговоренными шлагбаумами. Трасса, петляя среди кукурузных и пшеничных полей, шла под уклон. Далекая черта горизонта срасталась со звездным покрывалом. Рамон крутил баранку и смотрел на падающие с неба светлячки. Август...

Рядом спала Полина. Лоб девушки был горячим, она бредила во сне, стонала. Классические симптомы трансформации. Генетическая перестройка организма. Интересно, кем она станет? Волчицей, лисой, медведем?

В зеркале заднего вида отражался фрагмент шоссе и вписанный в него силуэт байка, слившегося с человеческим телом. Азарод. Выяснилось, что магистр недурно управляется с техникой... Лайет предпочел ехать с Кадиловым – задние огни «лады» маячили впереди. За спиной Рамона сидел демон Игорек, выходец из Нижних Сфер. Он не спал. Все, чем он казался раньше, предстало иллюзией. Матей не был отцом «мальчика». Марионеточный фантом, как объяснил Игорек. Перчатка. Смерть заправщика демон искусно инсценировал. На время он мог становиться реальным Игорьком, выдвигая, как ширму, захваченное детское сознание. После завершения миссии тело будет оставлено. Наедине с душой...

Души слабы, сказал Игорек.

Ты прав. Мы все слабы.

Форт выдвинулся из тьмы и навис над ними, заполнив собой мироздание. Старый замок, доминирующий над хаотическим нагромождением одноэтажных домишек, лачуг, палаток, вагончиков. Музейная реликвия, что обрела вторую жизнь. Окруженный недостроенной железобетонной стеной, глубоким рвом с водой и земляным валом, увенчанным колючей проволокой, замок словно бросал вызов вселенной. Он был вне времени и пространства. Почти все окна-бойницы светились. Над окрестностями разносился утробный гул – строительство стены не прекращалось и ночью. Исполинская стрела крана, ворочаясь в заторможенном кошмаре, переносила прямоугольную секцию. Джип взобрался на вершину холма, и перед Рамоном открылся захватывающий вид – зарево электрических огней, десятков костров и развешанных на деревьях фонарей, разъезжающие по улицам бронетранспортеры, небольшой аэродром с наростами ангаров...

Перебравшись через ров, беглецы прошли очередную проверку. Проверяли свитком с начертанными на нем письменами. Рамон видел, как загорелись странные закорючки, едва подъехала «лада». Кадилов начал что-то объяснять. Охранник дважды переспрашивал. Среди обрывков фраз Рамон услышал слово «представитель». Страж кивнул и дал знак проезжать.

Рамон сбросил скорость до тридцати километров в час. Повсюду ходили вооруженные люди. Откуда-то доносились крики и смех. В воздухе пахло жильем, готовящейся пищей...

И страхом.

Безысходностью и проблесками надежды.

Отчаянием и решимостью.

Всем понемногу.

Полина выгнулась дугой и зарычала. На краткий миг черты ее лица исказились, утратив сходство с человеческими... Снова – беспокойный сон, бормотания и всхлипы.

Пройдет день.

Настанет ночь.

И Полина *перевернется*. Рядом с Рамоном враг. Та, которую он должен убить.

Он знал, что никогда не сможет.

Ночь пожирала разумы. Отвратительно чавкая, заглатывала сны, мечты, желания и воспоминания. Все это переваривалось в котле Неизведанного. Звезды вгрызались в глаза и сверлили мозг. Рамон боялся завтрашнего дня. *Он не хотел будущего.* Будущее несло в себе семена отчаяния. Будущее разделит его и Полину.

Крепость словно присела под грузом веков. Монолитная громада в романском стиле: четыре башни (одна полуразрушена), вросшие по углам в призму главного здания. Узкие щели окон. Плоская крыша. «Лада» припарковалась в длинном ряду разномастных автомобилей. Здесь были джипы, «москвичи», «опели», танк и туристический двухэтажный автобус.

Где-то на грани слышимости зародился механический рокот. Зародился, накатил, заполнил собой небеса. Рубящие воздух лопасти, шарящий в ночи прожектор...

Рамон вклинился в ряд между «ладой» и автобусом. Заглушил двигатель. Наклонился и поцеловал спящую Полину. Вышел.

– Трогательно, – прокомментировал Игорек. Малолетний демон покинул машину как-то странно – не открывая дверцу.

Рамон сдержался.

У массивных двустворчатых дверей, обитых легированными стальными панелями и расписанных защитными заклинаниями, пара мордovorотов сверяла пропуска входящих со списками *призванных*. За их спинами вздымалась неровная, в выбоинах, стена.

Рамон направился к освещенному проему. Вертолет завернул на второй круг. Миг – и слепящий луч накрывает парковочную площадку Форта, заливает утопанный грунт золотистым сиянием...

Снова – тьма.

Охранники пропускают Лайета и Кадилова. Мягко загораживают дорогу Рамону. Тот, что ниже ростом и шире в плечах, долго всматривается в пропуск.

– От людей?

– Да.

– В тронный зал.

Грохот лопастей удаляется.

Рамон в просторной, с высоким потолком, комнате. Холл. Рядом материализуются Азарод и Игорек.

Гул десятков голосов. Широкая мраморная лестница, ведущая наверх... Шоу уродов. Приземистые кабаноподобные существа. Гномы в сверкающих латах. Высокий худощавый парень, затянутый в латекс, с растянутыми ушами. Рептилия, стоящая на задних лапах. Женщина со сложенными за спиной крыльями...

– Здесь посланцы многих рас, – шепнул Азарод. – Орки, гномы, эльфы, драконы. Все, кто боится экспансии перевертов.

– А чего боятся Нижние Сферы? – громко спросил я.

– Нарушения баланса, – ответил Игорек. – Однополярного мира.

Тронный зал располагался на втором этаже. Шестигранное помещение, купол, украшенный фресками. Витражное окно. Круг, выведенный флюоресцирующей краской прямо на каменных плитах пола. Представители, выстроившиеся по этому кругу: Рамон, Лайет, Кадилов, Игорек, Азарод, орк, дракон, эльф, гном, крылатая женщина и некоторые совсем уж невообразимые создания. Пожилой негр в центре зала, одетый в костюм-тройку.

– Комендант Форта, – пояснил Азарод. Колдун и здесь не расстался со своим рунным топором – скромно поставил оружие на пол, прислонив рукоятку к правой ноге.

Гул постепенно утих.

Ветер, неведь как проникший сюда, трепал пламя сотен свечей, экспериментировал с тенями. Лунное око пыталось заглянуть за стены и цветные стекла, узреть вершителей судеб.

В наступившей тишине раздался голос коменданта. Эхо слов заблудилось в каменном склепе, пустовавшем долгие века.

– Мы собрались здесь, чтобы открыть дверь, – комендант говорил по-английски, но разбросанные по залу телепаты внедряли синхронный перевод в мозг каждого представителя. Правда, личности вроде Кадилова или Игорька в этом не нуждались. – Сейчас. Готовы ли вы замкнуть цепь?

Риторический вопрос. Никто не потрудился ответить на него.

– Хорошо. Перекресток сплетет воедино более трехсот срезов. Небывалая армия хлынет к нам и очистит этот мир. Затем – следующий. Великий крестовый поход, дамы и господа.

Кое-кто заплодировал.

– Я рад представить нашего визитера.

Вспышка.

Ослепительный световой плевок.

В середине круга уже двое. Второй – невзрачный мужичок в гоголевской шинели, сапогах-галифе и треуголке.

– Мое имя Сафрон, – голос у мужичка скрипучий, точно несмазанные петли. – Секретарь Ордена Посредников. Если никто не против, я сотворю врата-перекресток.

– Чистая формальность, – заключил комендант.

Каждый представитель, включая Рамона, поочередно вышел в круг, назвал себя и подтвердил свое согласие.

Нечто нематериальное пронеслось по тронному залу. *Не ветер, не свет и не тьма*. Ни день, ни ночь. Вихрь *пограничья*. Посредник воздел руки, и перекресток распахнулся. Застывший над полом шестиметровый в диагонали квадрат, колышущаяся водянистая поверхность, сквозь которую просматриваются искаженные лица и морды. Врата, запустившие щупальца в сотни слоев.

– Моя миссия завершена, – сказал Сафрон. – До свидания.

Он шагнул в квадрат.

И исчез.

В ту же секунду Никита сделал неуловимое движение рукой. Заговоренные пули направились к тому месту, где стоял Лайет. Но цель ускользнула. Никому не дано убежать от сверхзвуковой смерти. Иерарх смог. Мгновенная трансформация и прыжок на стену. Пули вгрызлись в древнюю кладку под лапами иерарха. Представители расступились, многие вжались в пол. Рамон побежал, стреляя на ходу. Лайет помчался по стене. Прыжок – и волк в облаке осколков покидает Форт. Через витражное окно.

Сквозняк радостно гасит свечи.

День

Их противостояние длилось десять часов. Половина суток дикой травли и ненависти. Форт окружали поля, и до леса было слишком далеко. Джип оказался мощнее оборотня. Звезды побледнели, растаяла луна, солнце взошло и достигло зенита.

Рамон остановил машину и, пошатываясь, вышел. Направился к загнанному, лежащему в пыли зверю. Вогнал в тело остаток обоймы. Разжал пальцы – «аграм» упал к ногам.

Во все стороны простиралась степь.

Ацтекский бог безжалостно жарил мир.

Там, в последнем человеческом городе, собирается несметная армия, жаждущая крови. Маги делают замок *проницаемым*. Из плоскости в центре зала появляются вертушки, танки на турбореактивной тяге, наемники и добровольцы. Там, на заднем сиденье машины спит Полина. Уже не человек. Днем – любимая. Ночью – враг.

Ему предстоит жить с этим.

Часть вторая. Слои. День

– Нельзя, – ведун качает головой. – Ты знаешь правила.

– Плевать на правила.

Рамон снял котелок с костра. Разлил кофе по жестяным кружкам. Первую протянул ведуну, вторую поставил на траву возле своей ноги.

Солнце карабкалось через лес к зениту.

– Это моя девушка.

– И что?

– Здесь она не останется.

Ведун был шуплым студентом. Футболка с Дартом Вейдером, дурацкая хипстерская прическа, камуфляжные штаны. Толстовка с расстегнутой молнией.

– Валик, – Рамон посмотрел в глаза ведуну, – не хочу быть назойливым, но за тобой должок водится.

Собеседник вздохнул.

Ожидаемо.

– Ты помнишь Мглу, – продолжал давить Рамон. – Твой брат впервые шел на зверя. Охотники неплохо зарабатывают. Копейка не лишняя, так ведь? Но если ты не привык убивать переверотов, они убивают тебя. Это закон, дружище.

Студент обхватил горячую кружку ладонями, спрятанными в рукавах толстовки. Казалось, шуплый ведун принюхивается к пару.

– Есть медленные звери, – добавил Рамон, – а есть быстрые. Опытные. Матерые, я бы сказал.

Слушает.

Хорошо.

Полина – в палатке. Спит мертвым сном. Ночью девушку начало ломать. Кадилов и Азарод что-то наспех прочитали, и процесс замедлился. Заклинание какое-то. Кадилов сказал, что это временная мера. Природу оборотня не пересилить.

Однажды тебе перегрызут глотку.

– Только представь, – Рамон сделал глоток. – Бежит эта тварь по туннелю метро. Бодро так бежит, по стене. Твой братишка стреляет, но попасть не может. Сложная цель, высокая скорость. Не позавидуешь. Первая охота – и ты превращаешься в корм. Щелчок затвора – патроны кончились.

– Перестань, – буркнул ведун.

– Почему? Обделался человек – с кем не бывает. Ему повезло, если вдуматься. Рядом был я. Забрызгало лицо мозгами грондра, но случаются вещи и похуже.

Случаются.

Например, когда твоя девушка больна. Выгибается, орет не своим голосом. Рычит. Пробует отхватить тебе руку. Превращается в пакость, которую ты всегда ненавидел.

Выбраться из Форта было нелегко.

Все знали, что Рамон пристрелил Лайета, обладающего чем-то вроде дипломатического иммунитета. Знали, за что. Знали, что Полина перестала быть человеком. Комендант обязан в такой ситуации задержать Рамона до выяснения обстоятельств. Сдать профсоюзу. А Полину казнить. Комендант поступил иначе – закрыл глаза на происходящее. Кадилов и Азарод встали на защиту интересов Рамона. Непонятно, что ими двигало. Рамон подозревал, что неприязнь к диаблеро. Комендант отчаянно нуждался в защитниках, он был готов прощать «мелкие» прегрешения. Ради службы.

Вот только служить Рамон не собирался.

Он хотел перебраться в другой срез. И ключ к этому срезу сидел по другую сторону костра.

– Послушай, – Валик попытался урезонить приятеля. – Профсоюз не одобряет переброску перевертов. Мы оба это знаем. Оборотни – враги. Их истребляют.

Рамон поднял руку.

Ведун умолк.

– Открой портал. И мы в расчете. Тебе ничего не сделают. Скажешь: не видел никаких волколаков. Рамона видел. И все.

– Не поверят.

– Еще как поверят. Я тебя приложу «аграмом». Слегка, для достоверности. И шагну в портал. Хэппи-энд.

Валик хмыкнул.

– Допустим. Но ты ведь понимаешь, что профсоюз будет тебя искать. Ты нарушишь контракт, отказавшись защищать Форт. Такое не прощают.

– Моя совесть выдержит.

Рамон сделал глоток.

Он ждал.

Валик согласится, это уже понятно. Идет ломка стереотипов, но ведун – хороший парень.

Нарисовался Кадилов. Бросил охапку сухих дров под сосну и скрылся в своей палатке. Азарод рыскал неподалеку – осматривал местность.

К слову, местность была дикой и неприветливой. Сразу за лесом начиналась промзона, она примыкала к железнодорожной станции. Ржавые локомотивы, настежь распахнутые вагоны. Цистерны с облупившимися надписями. Платформы для перевозки дров и бронетехники. Складские помещения на железобетонных постаменты. Исполинские краны, спрятавшие ноги за серыми заборами и колючей проволокой. Сортировочная. Город – дальше. Опустевший город. Отвоеванный людьми у *нелюдей* и подвергшийся многократным зачисткам. Ничейная земля.

Охотники напросились на патрулирование этих территорий, чтобы встретиться с ведунном. Валика пришлось вызывать хитрым способом – через межпространственную ячейку. Абонентский ящик. Пишешь письмо ведуну особыми чернилами, заговариваешь, пакуешь в магический конверт и запихиваешь в сейф, спрятанный в полуразрушенном здании вокзала. Что-то происходит. Письмо пробивает ткань континуума и попадает в другой ящик. В ином срезе. Забрать конверт может лишь один человек – адресат. И этот человек непременно *почувствует* доставку.

Так и произошло.

Валик прочел письмо и явился на станцию. Там дежурил Азарод с десятком мертвяков. Этот конвой обеспечил Валику прикрытие.

– Я открою портал, – сказал ведун.

Рамон уставился на собеседника.

– Seriously?

– Вполне.

Заметно посветлело. Ночью пахло дождем, но к утру тучи разошлись, ветер утих. Обычный август. По ночам в палатке холодно, даже фирменный «бундесверовский» спальник с трудом спасает. Приходится постоянно поддерживать костер – хоть какое-то тепло. Азарод и вовсе спал под открытым небом. Говорит – привык.

– Ладно, – Рамон пошевелил угли в костре. Подбросил полено. – Куда ты нас отправишь?

– Тебе решать.

Действительно – куда?

Слоев много. Сотни, тысячи параллельных реальностей. Миры дружелюбные и не очень. Постапокалиптические миры, пережившие катастрофу. Где-то наступил ледниковый период, где-то рухнул астероид или случилась ядерная война. Миры, подвергшиеся затоплению. Дикие и технологически развитые реальности. Все это Земля. Бесконечные обличья человеческой цивилизации. Иногда – не человеческой.

Так.

Мыслить рационально.

Слой должен быть безопасным, это понятно. Не оккупированным, без диابلера. Пусть там встретится парочка волколаков, не страшно. Главное – без диابلера. Присутствие агентов профсоюза тоже нежелательно. Охотников могут нанять для поимки Рамона. Если захотят тратить ресурсы, конечно. Подумаешь, не выполнил контракт. Тебе не заплатят. Откажутся от твоих услуг в следующий раз. Оборотень перегрызет тебе глотку. Начнется экспансия. А вместе с экспансией – новые заработки. Профсоюз – организация коммерческая. Если эта структура ввязывается в войну, значит, запахло хорошими деньгами.

Кстати, о деньгах.

Как ты собираешься выживать в чужом слое без презренного металла? Устроишься на работу? Срез должен быть густонаселенным. Без лишней бюрократии. С возможностью достать фальшивые документы. Затеряться, подыскать работу без знания языка.

Утопия.

Мекка дауншифтеров, умеющих путешествовать между слоями. Столетие назад там случился *мягкий апокалипсис*. Так выразился профсоюзный куратор. Глобальное потепление перекроило планетарную карту. Часть территорий затопило. Где-то образовалась пустыня, где-то выросли джунгли. Стало больше архипелагов. С экономическим устройством тоже произошли интересные перемены. Рухнули старые финансовые системы. Доллар и евро канули в небытие. Понятие мировой валюты вообще исчезло. Появились государства, отрицающие деньги как понятие. В этих государствах выработались оригинальные схемы распределения благ – местами тоталитарные, местами демократичные.

Утопия быстро оправилась от катаклизмов. Рождаемость восстановилась после незначительного спада. Миллиарды людей, живущие на островах, кочующие по морям и азиатским степям. Новые мегаполисы. Хорошая экология. Отсутствие ядерной угрозы. Если и бежать, то в Утопию.

Рамон поднял глаза.

– Только не говори мне про Утопию, – хмыкнул Валик.

– Скажу. Именно туда мы и отправимся.

Пожав плечами, ведун встал.

– Когда?

– Через пару часов. Надо свернуть лагерь.

* * *

Рамон часто вспоминал день, когда встретил вербовщика. Случилось это задолго до развода. Визит вербовщика, как выяснилось, лишь продлил агонию Никиты. Времена были тяжелые. Люди возвращались с войны в Курдистане и пытались наладить жизнь. Потерянное поколение. Убийственные навыки Рамона оказались невостребованными. Пришлось перебиваться то грузчиком, то охранником, то боевым экспедитором, сопровождающим дальнбойщиков в путешествии через казахские пустоши.

Возвращаться домой не хотелось.

Когда они стали чужими? После того, как врач сказал, что Вика не может иметь детей? После войны? Или еще раньше...

Вербовщик нашел Рамона в придорожной забегаловке. Очередной вояж через степи. Пустынное шоссе, травяной океан до горизонта. Фура на парковке. И больше никаких машин. Дальнбойщик о чем-то переговаривается с заправщиком. В кафе – ни души. Рамон неспешно поглощает картошку фри и свекольный салат. На очереди сомнительного вида чебуреки. Растворимый кофе без сахара. Фоном – тихо бормочущий телевизор на кронштейне.

Телевизор пристроился в дальнем углу кафешки.

Всевидящее Око.

Вербовщик уселся перед Никитой, не проронив ни слова. Взял для приличия чашку чая. Пакетик «Гринфилда» напоминал утопленника, решившего оставить на берегу предсмертную записку.

– Никита, – сказал вербовщик.

Рамон оторвал взгляд от картошки. В здешних краях ему не доводилось бывать. Вероятность встретить знакомого нулевая.

Подобрался.

Боевой экспедитор обладает широкими полномочиями. Имеет право на ношение оружия. Может применять это оружие в случае доказанной агрессии преступника.

Рамон уже тогда предпочитал дробовик. Конечно, в кабине фуры припасена штурмовая винтовка, но это – для серьезных батальей. В помещениях лучше использовать обрезы и пистолеты-пулеметы.

Вербовщик перехватил взгляд Рамона.

– Даже не думай.

Обрез лежал на столешнице справа.

– Просто послушай, – продолжал вербовщик спокойным, не терпящим возражений, тоном. – Я скажу пару слов и уйду. Меня не интересует твоя фура. Мне плевать на твой груз. Но если дернешься к обреза – тебе крантец.

В слое Рамона никто не говорил «крантец». Но угроза почему-то не казалась пустой. На войне Рамон стал чутко опасаться. Он безошибочно распознавал тех, кто может создать проблему. Мужик напротив относился к этой категории. Создатели проблем.

– Есть рабботенка для тебя, – сказал вербовщик.

– Какая?

– Странная.

– Ближе к делу.

Собеседник ухмыльнулся.

– Ты не поверишь, что за *это* могут платить. А я не люблю терять время. Поступим так. Сейчас я встану и уйду. Ты закончишь рейс и вернешься домой. Войдешь в подъезд, откроешь почтовый ящик. Там будет лежать конверт. Внутри – деньги и дальнейшие инструкции.

– Почему бы мне просто не забрать деньги?

Вербовщик пожал плечами.

– Забирай.

– В чем подвох?

– Это аванс. Заработать можно *гораздо* больше.

Сказав это, вербовщик поднялся и ушел.

Рамон доел картошку, выпил остатки холодного кофе и последовал за неожиданным нанимателем.

Снаружи никого не было.

Кроме дальнбойщика и хозяина заправки, разумеется. Если этот псих прикатил на машине, то отъехать незаметно у него бы не получилось. Во-первых, на кольцевом выезде не разгонишься. Во-вторых, трасса стрелой упирается в степь. И там – ни одной машины.

Чувствуя себя идиотом, Рамон обошел здание заправки. Ни души. Заглянул в туалет – пусто. Не в степь же этот мужик свалил?

Наваждение какое-то.

– Макс, – Рамон приблизился к дальнобойщику. Тот обернулся. Бородатый детина в кепке с триколором, камуфляжных штанах и дутой безрукавке. – Ты видел этого придурка?

– Какого? – Не понял дальнобойщик.

– Из кафе только что вышел.

– К нам никто не подходил, Никита.

По лицу заправщика Рамон многое понял. Ты сумасшедший укурок, говорило это лицо. Убирайся с моей заправки. И поменьше закидывайся всякой дрянью.

– Ладно, поехали, – Рамон шагнул к фуре.

* * *

Полина высыпала в котелок остатки риса. Вода закипела быстро – Кадилов где-то добыл сухих дров. Рамон вскрыл охотничим ножом банку тушенки, поставил рядом с пустой кружкой на траву и пошел складывать палатку.

Полина чувствовала себя неважно, но держалась.

Разговаривали мало.

Рамон бросил взгляд на полностью укомплектованные рюкзаки, стоящие с подветренной стороны тамбура. Хорошая девочка. Слышала разговор и поняла, что нужно быстро свертываться. Даже спальники и карематы в боевой готовности.

Растяжки провисли, колышки отправились в траву. Теперь – разобрать телескопические стойки.

– Никита.

Повеяло холодом.

Интересно, давно тут некромант стоит? Умеет же подкрадываться, чертов колдун.

– Чего тебе.

– Уходишь?

– Выбора нет.

– Куда?

Рамон запихнул сложенные стойки в зеленый мешочек. Затянул тесемки. И переключил внимание на тамбур.

– В Утопию.

– Думаешь, тебя не найдут?

Ответа не последовало.

Уверенности нет. В этом некромант прав. Но и оставаться здесь нельзя. Военное время ставит вопросы ребром. На чьей ты стороне? Почему с тобой путешествует оборотень? Никто этого терпеть не захочет.

– Ты должен понять, – Азарод приблизился вплотную к Рамону. Повеяло могильным холодом. – Она не простой переверт. Она – диablero. Ученица основателей.

Рамон сложил тамбур и занялся внутренней частью палатки. Продолжать разговор не хотелось. Какая разница, кто укусил твою девушку? Это же Полина. Все остальное неважно.

– Утопия, – Азарод попробовал слово на вкус. – И что будешь делать там?

Рамон выпрямился.

– Жить.

Ночь

Ведун поставил чашку кофе на металлический стол. Уставился на Рамона тяжелым взглядом. В ответ – полное равнодушие. Рамон смотрел сквозь собеседника на кирпичную стену. То ли бункер, то ли старинная крепость. Не понять.

Снаружи воцарилась ночь.

Тьма хлынула во владения профсоюза и в ужасе отшатнулась. Здесь обитали создания похлеще оборотней. Парни, похожие на людей, но узнавшие о мире слишком многое. *Измененные знаниями.*

Человек, сидевший за столом, носил старомодный костюм-тройку. Светлые волосы зачесаны на затылок. Вместо галстука – красная нить с холщовым мешочком. Оберег. Науз, если судить по узелковому хитросплетению в верхней части. Интересно – что там? лягушачья лапка? Дерьмо летучей мыши? зуб мертвого шакала?

– Нарушитель контрактов, – ведун всверлился глазами в Никиту. – Как думаешь, что сейчас происходит?

– Меня допрашивают.

– Ошибаешься.

– Тогда – что?

– Разговор.

Рамон поднял руки в «браслетах».

– Не похоже.

– Я могу их снять.

– Такними. Рискни здоровьем.

Полину куда-то увели. Видимо, на тюремный уровень, если профсоюзная крепость таким располагала. Началась трансформация. Рисковать никто не хотел.

В руках ведуна появился ключ. Наклонившись вперед, вербовщик одним движением освободил из оков запястья Рамона. Щелчок – и «браслеты» с грохотом падают на столешницу. Никита тотчас выбросил руку, целясь в кадык вербовщика. Сустав указательного пальца выдвинут вперед.

Пустое место.

Волшебник чуть сдвинулся, а его нога подбила табурет, на котором сидел Рамон. Удержать равновесие не удалось. Никита крепко приложился челюстью о стол.

А ведун уже стоял рядом.

Неведомая сила оторвала Рамона от земли и швырнула в стену. Посыпалась штукатурка. В глазах потемнело.

Ночь сочилась сквозь щели век, заливала все вокруг чернильной безысходностью.

Рамон стоит на коленях.

Кровь на бетонном полу.

– Не ладится разговор, – сказал ведун. – Попробуем снова. Сядь и не дергайся. Тогда все может закончиться хорошо. Для тебя и Полины.

Никита с трудом поднялся.

Вернулся к столу. Поднял грубо сколоченный табурет. Сел, глядя на противоположную стену. Под потолком горел засиженный мухами плафон.

Место напротив пустовало недолго.

Видимо, не стоит кидать профсоюз. Мысль разумная, но запоздалая. Организация куда сильнее и жестче, чем кажется. Ты придумываешь план, вызываешь приятеля, умеющего пробивать порталы. Слоев много, ищи ветра в поле.

Валик открывает портал.

Ты прощаешься с боевыми друзьями, взваливаешь на плечи рюкзак. Тачку оставляешь – она тебе не потребуется. Берешь Полину за руку и шагаешь в портал. Сегодня потусторонние врата выглядят так, словно маленький ребенок украл у взрослых ручку и нанес на ткань бытия «каляки-маляки». Черные нити сплелись в клубок. За пределами клубка – Утопия. Ты так думаешь.

Но могучие колдуны проверяют почту своих сотрудников. И умеют перенаправлять пространственные туннели.

Выходишь.

Совсем не там, где планировал. Никаких тебе островов и портовых городишек с мачтами у пирса. Ты в глухом переулке, под ногами – лужа, присыпанная желтыми листьями. Напротив – шербатая стена. Жестяная табличка с номером «115». Чуть дальше – арка, ведущая в сумрачный дворик. Холодно и неудобно. Но печалит тебя не это.

Люди.

Отряд вооруженных людей, недобро смотрящих на тебя и твою спутницу. Автоматы, штурмовые винтовки, пистолеты. Парочка персонажей с короткими мечами. Безоружные, но не менее опасные ведуны. Их всегда можно узнать по длиннополой одежде (плащи, пальто, кардиганы) и амулетам на шеях. Сомнений не оставалось – профсоюз узнал о встрече Рамона и Валика. Хотелось верить, что Валик не при делах.

Рамон понимал, что дергаться бесполезно.

Хуже будет.

Поэтому он медленно и аккуратно положил на асфальт помпу. Рядом улегся верный «аграм». И стволы Полины – самозарядный «Варяг» под патроны «смит энд vesson» и «Штейр» с лазерным целеуказателем.

Охотники ждали.

Вздыхнув, Рамон отстегнул от лодыжки чехол с боевым ножом. Заговоренным, разумеется. У Полины клинкового оружия не оказалось.

Никто не стал их бить, пытать или насиловать. Профсоюз – серьезная организация. Блудных детей сопроводили в комплекс, являющийся странным гибридом заброшенной фабрики и средневековой крепости. Железобетонные стены, колючка, датчики слежения и пулеметные турели. Патрули на прилегающих улицах. Створки ворот на сервоприводах. Охранные мистические символы. Беспорядочное здание – все какое-то угловатое, монолитное и неприступное. Штаб-квартира? Рамон так не считал. У профсоюза опорные пункты разбросаны по десяткам срезов.

Рамона и Полину разделили на нижнем ярусе. Впихнули в разные лифты. Так Рамон оказался в подвале с голыми кирпичными стенами. В компании неприветливого ведуна.

И вот он сидит за столом.

Кровь капает на столешницу. Губа разбита, нос цел. Не худший расклад. Ведун усаживается напротив. Протягивает платок.

– Держи.

Теперь кровь на платке.

Губа опухает.

– Сам виноват, – добродушно говорит собеседник. – Чего выделялся? Профсоюз горой стоит за своих. Никто бы не валил твою девку. Она – тоже наш человек.

– Уже не человек.

Ведун не отвел взгляд.

– И что?

– Я нарушил контракт.

– Верно. Но за такое не убивают. Конверт бы не получил, это правда. Зачем бежать?

В голове стало проясняться.

Действительно – зачем?

Правила. Есть что-то вроде служебной инструкции для охотников. Там сказано, что обортней нельзя тащить через порталы. А что там сказано по поводу оборотней-охотников? Ничего. Это редкий случай, не предусмотренный инструкцией. Да и романы среди охотников – из ряда вон. Это бизнес. Собрался отряд, выполнили задачу, разбежались по слоям. У каждого своя жизнь, своя культура. А тут – два наемника из одного среза. Вместе не работали. Познакомились, вспыхнули чувства. Совпадение.

Многовато, пожалуй, совпадений.

Кустарниковые рояли Никите не нравились. Если внести в уравнение Лайета, Игорька и прочих забавных персонажей, получается полная неразбериха.

– Хорошо, – Рамон отложил платок. – И что теперь?

Ведун достал из кармана трубку. Настоящую курительную трубку, как у Шерлока Холмса. Неспешно набил этот атавизм душистым табаком из кисета, щелкнул зажигалкой и закурил. Положил зажигалку на стол. Оригинальная вещица. Шестеренки, медные трубочки. Стимпаксовская безелушка. Ручная работа.

Позер.

– Вас отпустят, – заявил ведун, выпуская дымное кольцо. – Со всеми пожитками.

– И?

Театр абсурда какой-то.

– Вы пойдете своей дорогой, – смакуя каждое слово, продолжил белобрысый. – Возможно, сумеете найти дорогу в свои срезы. Или отправитесь еще куда-нибудь. Это вторично. Важно другое.

Драматичная пауза.

Рамон изобразил предельное внимание.

– Что важно?

– Будущее, – ведун выпустил очередное кольцо. Запах дорого табака с шоколадными нотками совершенно не вписывался в атмосферу подвала. – Есть ли у вас будущее.

– Попробую угадать, – Никита скривился от боли. – Его нет. Но вы от меня чего-то хотите. И это дает некие шансы на выживание.

– Вроде того. Сценарий первый: вы перемещаетесь... куда вы там собирались? В Утопию? Никита кивнул.

– Итак, Утопия. Селитесь на большом острове. Исландия там или Уральский архипелаг. Теряетесь в толпе. Питаете себя иллюзией безопасности. Счастливы вместе – поначалу. Днем, понятное дело. В одну из ночей Полина тебя убивает. Или приходит Лайет. *Основатель* всегда ищет своего ученика.

– Лайета больше нет, – возразил Никита.

– Типичное заблуждение, – кивнул ведун. – Ты воспринимаешь его как рядового переверта. Просто мужик перекинулся днем, с кем не бывает. Быстрый, матерый. Но убить можно. Так?

– Так.

– Нет. Все сложнее, друг мой. Ты же любишь рассуждать о диابلере. Что ты о них знаешь? Вспоминай.

Рамон сосредоточился. Что там у Кастанеды? Собака ворует сыр, ее убивают. Но сам колдун находится далеко, в своей хижине. На расстоянии. *Брухо* раздваивается. Суку убивают, а колдун умирает в своей хижине.

Ведун следил за выражением лица Рамона.

– Вижу, ты начинаешь понимать.

– Я убил волколака, – начал Рамон, – но это... лишь проекция колдуна, правильно? Лайет находился в другом месте.

– Делаешь успехи.

– И теперь, – Рамон просто рассуждал вслух, – нужно понять одну вещь. Умер ли сам Лайет?

– В точку.

– Он умер?

Ведун покачал головой.

– Живее всех живых.

– Но почему?

– Мальчик мой, – ведун переключился на покровительственный тон. – Ты ничего не знаешь о мире. Ты слышал о диابلеро, читал кое-что. Ты научился сносить головы перевертам. Но *основатели* – нечто большее. Этим мудакам не нужно превращаться в зверя, чтобы расправиться с тобой. На то они и основатели, чтобы скакать по телам своих порождений. Волколак умирает, но волколак – не диابلеро.

– Постой, – Рамон наклонился вперед. Он почувствовал, что разговор перетекает в неожиданное русло. – Ты хочешь сказать, что *брухо* вселяются в тела перевертов? Используют их?

– Именно это, – ведун небрежно швырнул трубку через плечо, – я и хочу сказать. К тому же, не стоит путать брухо и диابلеро. Последние жестче.

Трубка растворилась в воздухе.

Бесследно исчезла.

Рамон выругался себе под нос.

– Тяжело принимать такие факты, – в голосе собеседника прорезалась участливость. – Ты порешил зверюгу, а результат нулевой.

– Лайет успел выпрыгнуть из тела? – догадался Рамон.

– Конечно. Время задать себе новый вопрос.

Никита задумался.

К счастью, он соображал быстро.

– Оставит ли он нас в покое?

Ведун швырнул через плечо кисет.

Исчезновение.

– Нет.

– Что ему нужно?

Ведун поднялся.

– Мы продолжим разговор. Но я бы не хотел, чтобы ты воспринимал профсоюз в качестве своего врага. Ты состоишь в системе, дружище, которая сейчас на твоей стороне. Пойдем со мной.

Дверь камеры открылась.

* * *

Звук шагов заставил свет включиться. Белая трубка, пристроившаяся под потолком обшарпанного подъезда. Наверху лязгал и гудел лифт, который давно следовало починить.

Рамон поднялся на один пролет и застыл перед почтовым ящиком. Внутри что-то лежало. Конверт.

О странном незнакомце в придорожной забегаловке Никита успел забыть. Памятная беседа состоялась на прошлой неделе. И вот он – обещанный конверт.

Впрочем, сказал себе Никита, это может быть повестка в суд, письмо от забытых родственников, рекламный буклет. Что угодно может быть.

Пришлось лезть в рюкзак за ключами.

Скрипнув, дверца почтового ящика отворилась. Белый прямоугольник оказался настоящим конвертом. Никита повертел артефакт в руках. Полное отсутствие марок. Никаких надписей. Бумага наощупь плотная и шероховатая. Сунув конверт в боковой кармашек рюкзака, Никита двинулся к лифту. Нажал оплавленную кнопку. Этажом выше что-то лязгнуло. С характерным гудением лифтовая кабина поползла к первому этажу.

Квартиру пришлось открывать своим ключом.

Вики не было.

В прихожей Рамон нашарил выключатель. Вспыхнул тусклый свет – одна из лампочек перегорела. На электронном табло красные цифры: 22.47.

Пустое жилье давит на психику.

Известный факт.

Вот только Никиту тишина обрадовала. В последние месяцы он общался с женой нечасто. Так проще. Почему-то любой разговор перерастал в ссору – даже если темой был поход в магазин. Копилось раздражение. Бедность Вике не нравилась. Кризис, безработица – это отмазки. Так она считала. Мужик *обязан* приносить в семью деньги. Никита приносил, но этого вечно не хватало. Ни в ресторан приличный сходить, ни подруг очаровать платьем из дорогого бутика. Сопровождение дальнобойщиков едва позволяло сводить концы с концами. Но остальные работы были еще хуже. Кое-где месяцами задерживали зарплаты.

Никита понимал, что дело идет к разводу.

Родители Виктории его всегда недолюбливали. Подруги – тоже. Нищеврод, искалеченный войной. С тараканами в голове. Так они его воспринимали.

На кухне – тишина, нарушаемая лишь утробным ворчанием холодильника. Россыпь вечерних огней за окном.

Готовить Вика не любила. Поэтому Никита не рассчитывал найти что-то съестное в окрестностях плиты. Сразу полез в холодильник. Подсветка выхватила из ледяной утробы привычный натюрморт. Йогурты, яйца в пластиковой коробке, овощные салатики, кусок недорогой колбасы. В прозрачных контейнерах – яблоки и картошка.

Захлопнув дверцу холодильника, Никита шагнул к плите. Налил в чайник бутилированной воды, чиркнул электроподжигом. Над головой грузно топали соседи. Они всегда грузно топают, это закон природы.

Руки тянулись к конверту.

Рамон пересилил себя. Нужно принять душ, перекусить, а уж потом заниматься странными конвертами. В мышцах скопилась многодневная усталость. Щеки покрыла щетина, но с этим можно поременить.

Приняв душ, Рамон пулей вылетел в коридор.

Отчаянно свистел чайник.

Заварить кофе, отрезать хлеб, соорудить бутерброд. На душе потеплело – приятно быть чистым.

Конверт.

Рамон вытащил нож из деревянной подставки. Вскрыл злополучный прямоугольник. Наверняка здесь очередная реклама. Приходите на семинар, покупайте франшизу и стройте успешный бизнес. Продавайте своим друзьям и соседям вечное мыло и зубную пасту, которой можно пользоваться десять лет. Ну, или присадки какие-нибудь к моторным маслам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.